

УДК 58.007+633(092)

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В СССР В 1929–1932 гг. И ПЕРВЫЕ АТАКИ НА ШКОЛУ Н.И. ВАВИЛОВА (по материалам Санкт-Петербургских архивов)

© 2012 г. Э. И. Колчинский

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН,
С.-Петербург, Россия, e-mail: ekolchinsky@yandex.ru

Поступила в редакцию 18 мая 2012 г. Принята к публикации 29 июня 2012 г.

Документы из партийных фондов Ленинграда и фондов Комакадемии, из Архива РАН, впервые вводимые в научный оборот, свидетельствуют против культивируемого в настоящее время мифа о том, что конфликт между Н.И. Вавиловым и сторонниками Т.Д. Лысенко – это конкуренция двух научных школ, лидеры которых добивались от властей финансовых, материальных и людских ресурсов. Уже в первых атаках на Вавилова, начавшихся еще в годы «культурной революции», до появления Т.Д. Лысенко в качестве сколь-нибудь значимой фигуры в сообществе агрономов и селекционеров, научная составляющая дискуссий была очень незначительна и не могла бы в нормальных социально-политических условиях иметь столь трагические последствия для многих ее участников. С самого начала критика Вавилова инспирировалась и контролировалась партийными структурами, а его противники в основном руководствовались политико-идеологическими и карьеристскими соображениями. К 1932 г. Н.И. Вавилов потерял независимость в кадровой политике и в значительной степени утратил контроль над возглавляемыми им учреждениями. Основные черты «лысенковщины» как социально-политической практики в советской науке сложились до начала борьбы генетиков с лысенкоистами. Тогда же были выдвинуты и главные обвинения в адрес Н.И. Вавилова в ошибочности выбранных им стратегий исследований, в отрыве от практики, в выдвижении чуждых марксизму теорий, в приверженности буржуазной науке.

Ключевые слова: «культурная революция», Н.И. Вавилов, А.В. Альбенский, Г.И. Быков, И.И. Презент, ВИПБиНК (ВИР), ВАСХНИЛ, ЦКК – НК РКИ, ЛОКА, ОБМ, партбюро.

ВВЕДЕНИЕ

В памяти образованных людей во всем мире Николай Иванович Вавилов – символ трагической российской науки и главный оппонент Т.Д. Лысенко. Казалось, оценки их противостояния окончательны и пересмотру не подлежат. Тем не менее в последние годы наблюдается рост числа публикаций, претендующих на новый взгляд на эту далеко не только историко-научную проблему. Дискуссии, начатые в русскоязычном пространстве, были продолжены на международных симпозиумах «Лысенкоизм» (Нью-Йорк, 2009; Вена, 2012), «Пересмотр “дела Лысенко”» (Токио, 2012). Противостоянию генетиков и лысенкоизма

был посвящен специальный выпуск журнала «Историко-биологические исследования» (№ 2 за 2011 г.) и *Journal of the History of Biology* No. 3 за 2012 г. Все это побуждает в дни юбилея Н.И. Вавилова обратиться к социально-политической среде, где зарождалось противостояние генетиков и апологетов мичуринской биологии. На базе нового массива архивной информации попытаемся проследить за первыми атаками на Вавилова в годы «культурной революции» (1929–1932 гг.), чтобы по возможности понять побудительные мотивы их инициаторов, накал и ожесточенность дискуссий и причины их завершения. Это позволит лучше понять истоки последовавшего противостояния Н.И. Вавилова и Т.Д. Лысенко, которому вновь уделяют боль-

шое внимание в историко-научной литературе (Argueta *et al.*, 2003; Гончаров, 2007; Колчинский, 2007; Teich, 2007; Есаков, 2008; Mosterin, 2008; Pringle, 2008; Фудзиока Цуёши, 2010; Wolfe, 2010; Kouprianov, 2011).

**«Союз науки и труда»
«на обновленной земле»
(1922 – начало 1929-х гг.)**

События, разыгравшиеся в Ленинграде в конце 1920–начале 1930-х гг. и названные «культурной революцией», были результатом трансформации российского научного сообщества в предшествующее десятилетие (Наука ..., 2003. С. 357–439). По замыслу ее инициаторов, ученые должны были стать частью общегосударственного аппарата и не просто выполнять отдельные задания правительства, а быть проводниками его политики за рубежом и готовить кадры для пролетарской науки. Этим целям соответствовал Н.И. Вавилов, обаятельный ученый, много сделавший для улучшения имиджа страны в США и Западной Европе. Он активно участвовал в 1922 г. в реорганизации Сельскохозяйственного ученого комитета (далее СХУК) Наркомзема в Государственный институт опытной агрономии (далее ГИОА), а в 1924 г. превратил Отдел прикладной ботаники и селекции (ОПБиС)¹ во Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (ВИПБиНК). Под единой крышей Н.И. Вавилов собрал десятки первоклассных специалистов из разных отраслей биологии, которых старался сплотить в единый, быстро растущий коллектив (к середине 1928 г. только его центральная часть насчитывала около 300 сотрудников, увеличиваясь ежегодно на 10–15 %). Трудности для интеграции людей с разными образованием, квалификацией, политическими взглядами создавало сохранявшееся разнообразие взглядов на стратегию развития института и степень ухода от традиционных проблем БПБ, а также на роль фундаментальных исследований в решении сельскохозяйственных проблем.

Говорят, В.Л. Комаров первым назвал ВИР, созданный в 1930 г. на базе ВИНБиНК и ОПБиС ГИОА, «Вавилоном». Одни считали

такое название почетным, другие насмешкой, а Н.И. Вавилов им гордился. Для некоторых же ученых, работавших еще в БПБ, уже ВИПБиНК казался «вавилонским столпотворением» разных дисциплин, терминов, методов, целей и т. д., и они предпочли бы оставаться в прежних рамках традиционных задач интродукции, акклиматизации, сортоиспытания и районирования (Синская, 1991. С. 54–57; Левина, 1995. С. 38; Гончаров, 2007. С. 501). Среди них был садовод и дендролог Д.Д. Арцыбашев, работавший еще в Ученом комитете Министерства земледелия и государственных имуществ. В ВИПБиНК он возглавил отдел натурализации. Его взгляды разделял заведующий отделом интродукции растений института А.К. Коль и выдающийся селекционер картофеля, организатор и первый директор Всесоюзного НИИ картофельного хозяйства А.Г. Лорх. Эти разногласия в 1927 г. были вынесены в правительственные сферы. Возмущенный вмешательством Председателя Совета ВИПБиНК и одновременно Управляющего делами Совета народных комиссаров (СНК) Н.П. Горбунова в дела института и назначением Д.Д. Арцыбашева заместителем директора Института, Вавилов подал в отставку и несколько месяцев бастовал (Рядом с Н.И. Вавиловым ..., 1973. С. 164; Николай Иванович Вавилов ..., 1980. С. 297, 303, 306–310, 318, 330–331; Письма ..., 1987. С. 260–261). Конфликт уладили путем переговоров и заседаний Совета института. Арцыбашев покинул ВИПБиНК. Но механоламаркист А.К. Коль остался в нем и продолжал настаивать на том, что интродукция, сортоиспытание и районирование сортов должны быть главными задачами института, обвиняя Вавилова в академизме, увлечении экспедициями, авторитаризме, а позднее – в зажиме молодых специалистов и даже во вредительстве². Конфликт завершился снятием Коля с должности заведующего отделом интродукции в 1929 г., но проблема осталась. В лице А.К. Коля Н.И. Вавилов приобрел непримиримого врага и одного из протагонистов лысенкоизма в ВИР, а некоторые аспиранты Ленинградского института аспирантуры ВАСХНИЛ, появившиеся в ВИПБиНК в 1929 г., – знамя борьбы против администрации. В условиях

¹ До 1918 г. Бюро по прикладной ботанике (БПБ) СХУК.

² ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 83–84.

«культурной революции 1929–1932 гг. конфликт вспыхнул вновь, приобрел политическую окраску и стал предметом разбирательств различных бригад Ленинградского обкома и Октябрьского райкома ВКП(б) г. Ленинграда, Центрально-контрольной комиссии – Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК – НК РКИ), Ленинградского отделения Коммунистической академии (ЛОКА), а в конечном счете – ОГПУ. В нем коренятся некоторые пусковые механизмы будущей трагедии Н.И. Вавилова.

Н.И. Вавилов резко отверг прозвучавшие в 1927 г. обвинения в недостаточном внимании к научно-организационной работе, в отходе от руководства ВИР, в ошибочности выбранных им стратегий исследований, в отрыве от практики (см. подробнее: Николай Иванович Вавилов ..., 1980. С. 308–309; Есаков, 2008. С. 149–151). И власти продолжали доверять Вавилову, видя в нем олицетворение провозглашаемого «союза науки и труда» и дореволюционного ученого, поверившего в идеалы социализма и соединившего теорию с насущнейшими вопросами сельскохозяйственной практики. В условиях острейшего дефицита бюджета они финансировали его многочисленные зарубежные экспедиции для сбора коллекций семян культурных растений и их диких сородичей для последующей мобилизации мирового генофонда, поддерживали ученого в создании широкой сети опытных станций ВИПБиНК. Возглавляя сельскохозяйственную науку с 1923 г. (т. е. с момента избрания председателем ГИОА), Н.И. Вавилов вошел в традиционное академическое сообщество. В 1923 г. его избрали членом-корреспондентом РАН. В 1926 г. Н.И. Вавилов стал одним из первых пяти лауреатов премии имени В.И. Ленина, при этом сохраняя философско-методологическое свободомыслие. В законе гомологических рядов в наследственной изменчивости (Вавилов, 1920) и в концепции центров происхождения культурных растений (Вавилов, 1926) он использовал антиселекционистские идеи У. Бэтсона, Я. Лотси и Г. де Фриза, находил близость своих взглядов с теорией номогенеза Л.С. Берга и осуждал резкую критику ее приверженцами классического дарвинизма (В.М. Шимкевич, А.М. Никольский, В.И. Талиев) и первыми генетиками-марксистами (И.И. Агол, В.Н. Слепков). Вавилов не участвовал и в дискуссиях о вза-

имоотношениях ламаркизма, дарвинизма и генетики, проходивших в Комакадемии³. Не было его и среди членов созданного в те годы Общества биологов-материалистов, объединявшего к началу «культурной революции» более 200 ученых, включая ряд видных генетиков.

Н.И. Вавилов не реагировал на попытки ботаника Б.М. Козо-Полянского, зоолога А.А. Любичева, психоневролога В.М. Бехтерева, генетика А.С. Серебровского использовать идеологические аргументы при решении естественнонаучных проблем и на политизацию научных дискуссий после включения в них биологов, получивших высшее образование через рабфаки и Институт красной профессуры (David-Fox, 1997; Behrendt, 1997). В 1927 г. генетики, члены ВКП(б) И.И. Агол, С.Г. Левит и В.Н. Слепков возглавили организации, созданные для внедрения диалектического материализма в биологию. Имея опыт гражданской войны, студенческих и партийных чисток, они активно использовали политические аргументы, внося в биологические дискуссии дух непримиримости, обвиняя оппонентов в витализме, мистицизме, идеализме, телеологии. Однако Н.И. Вавилов не замечал этих дискуссий, а его не трогали. Для этих ученых он был коллегой, продвигавшим интересы генетики в высших эшелонах власти.

Идеологические дискуссии и проработки уже в те годы нередко завершались кадровыми перестановками. В результате идейной формой зачастую прикрывали откровенный карьеризм. Молодые биологи-марксисты воспринимали лидеров традиционных научных школ как конкурентов и стремились ускорить профессиональную карьеру, обвиняя своих учителей и коллег в приверженности «буржуазной» науке. Но и многие биологи старшего поколения участвовали в марксистских организациях и журналах, стараясь сохранить или повысить свой социальный статус, получить финансовую поддержку, низвергнуть конкурентов или защититься от их нападок. При отсутствии ясных представлений о марксистской философии каждый мог объявлять близкие ему теории и концепции соответствовавшими марксизму, а взгляды оппонентов и

³ АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 68. Л. 1–71; Д. 93. Л. 1–68; Д. 112. Л. 1–58; Д. 115. Л. 1–70; Д. 136. Л. 1–60; Д. 146. Л. 1–65; Д. 187. Л. 1–53; Д. 207. Л. 1–51; Д. 217. Л. 1–81 и др.

конкурентов – антимарксистскими (Колчинский, 1999. С. 66–135). В обстановке ожесточенных дискуссий по общетеоретическим проблемам биологии и конкуренции за государственную поддержку своих исследовательских проектов формировалась практика навешивания ярлыков на научных оппонентов, которых шельмовали как реакционеров и пособников мировой буржуазии. Эта практика впоследствии была апробирована на Вавиллове, когда в научных дискуссиях конца 1920-х годов все ошутимее становилось стремление указать властям на идеологическую вредность взглядов оппонентов.

Н.И. Вавиллову новые методы борьбы за покровительство властей и в отстаивании своих концепций не были нужны. Свои взгляды на пути развития агрономической науки он излагал прямо депутатам съездов Советов и Всесоюзных партийных конференций и руководителям партии и Советского правительства, включая его председателя А.И. Рыкова. В его «союзе науки и труда» была грань, которую Н.И. Вавиллов не переходил и не участвовал в формировании советского варианта «идеологически корректной науки» (Gordin *et al.*, 2003; Колчинский, 2007). Да власти и не требовали от него идеологической идентификации и, цenia его международный авторитет и готовность к сотрудничеству, привлекали к государственной деятельности. Он был членом ЦИК СССР (1926–1935 гг.) и ВЦИК РСФСР (1927–1929 гг.). В феврале 1928 г. его назначили председателем Ленинградского отделения Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО), задуманной как «приводной ремень» между партией и научной интеллигенции. Эта организация должна была развернуть непримиримую борьбу с частью научной и технической интеллигенции, «враждебной социалистическому строительству», против «контрреволюции и вредительства», «прикрываемых маской внешней лояльности к советской власти, аполитичности и нейтральности, а также против малOVERов, правых и левых оппортунистов и двурушников, идейных помощников контрреволюции и вредительства»⁴. В ходе борьбы следовало использовать ошибки

научных руководителей, чтобы ослабить их влияние среди специалистов и доказать, что их авторитет является ложным. При этом планировались не только прямые удары по крупным ученым, но и по поддерживавшей их молодежи. Вавиллов согласился с этим назначением, хотя не уделял внимания работе ВАРНИТСО даже в собственном Институте. В отчете о ее работе в ВИПБиНК за период с 15 января по 15 августа 1929 г. сказано: «Как и ВАРНИТСО в целом коллектив ВАРНИТСО при наших институтах до последнего времени является организацией декларативной, не начавшей практической работы»⁵. Таковой она оставалась и впоследствии, впрочем, так же как и в АН СССР (Колчинский, 1999. С. 196–198). Из письма Н.И. Вавилова заведующему научными учреждениями СНК СССР Е.П. Воронову от 11 июня 1929 г. видно, что он делал все от него зависящее, чтобы не допустить «чисток» в ВИПБиНК (Николай Иванович Вавиллов ..., 1987. С. 53–54).

Эпицентром идеологических бурь, сотрясавших биологию в те годы, была Москва, где находились основные марксистские учреждения и общества, а близость к партийно-правительственным кругам обостряла конкуренцию. Иная картина наблюдалась в Ленинграде. Здесь сохранялись научные школы, лидеры которых не оказывали поддержки диалектизации биологии. С 1925 г. в работе естественнонаучной секции Научного общества марксизма (НОМ) участвовал И.И. Презент, собравший вокруг себя студентов, с помощью которых пытался дестабилизировать ее работу, встречая, однако, отпор со стороны руководства секции и НОМ⁶. В начале 1930 г. НОМ было ликвидировано, а его Естественнонаучная секция сначала вошла в Общество воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД), а затем стала основой Ленинградского общества биологов-марксистов, которое в конечном счете возглавил И.И. Презент.

1929 г., названный годом «великого перелома», стал годом мощной пропаганды достижений генетики. Первый Всесоюзный съезд по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, проходивший в Ленинграде 10–16 января 1929 г., был превра-

⁴ СПФ АРАН. Ф. 245. Оп.1. Д. 1. Л. 21.

⁵ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп.1. Д. 4. Л. 33.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 238. Д. 96. Л. 12–13.

щен в политико-идеологическую кампанию с демонстрацией готовности генетиков и селекционеров в кратчайшие сроки преодолеть трудности в сельском хозяйстве, отстававшем по темпам развития от индустриализации. Инициатором съезда был Н.И. Вавилов, добившийся соответствующих постановлений СНК СССР о его проведении (Конашев, 1999. С. 482). Гигантский съезд, в котором, по разным оценкам, участвовало от 1400 до 2100 человек⁷, освещался в центральной («Правда», «Известия») и местной ленинградской прессе. Характерны заголовки статей, посвященных съезду. «Обновить советскую землю» призывала газета «Смена» (11 янв. 1929 г.), а «Красная звезда» (14 янв. 1929 г.) назвала съезд «Битвой за урожай». «Ленинградская правда» ежедневно публиковала подробную информацию о съезде под броскими заголовками: «На помощь полям идет советская наука. Поднимем урожай. Привет Всесоюзному съезду по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству» (10 янв. С. 5); «Широким потоком хлынут знания на поля нашей страны. 2 000 ученых спешат на помощь сельскому хозяйству» (11 янв. С. 3); «Победа советской науки. Создан новый злак. С опытных полей – в крестьянские поля» (12 янв. С. 5); «На обновленной земле. Сортовые семена – крестьянству. Советская наука поднимет урожайность наших полей» (13 янв. С. 2); «Советская наука – на крестьянские поля. Успех животноводства. Холмогорская корова бьет мировые рекорды» (15 янв. С. 3); «Успех советской науки. Германские ученые используют наш опыт. Можно превратить озимый злак в яровой» (16 янв. С. 3). В день открытия съезда Н.И. Вавилов подчеркивал необходимость прочных теоретических основ для успехов селекции. Пропагандируя успехи советской генетики в

изучении формообразования, он назвал ряд отечественных учреждений, которые «идут впереди научных организаций всего мира» (Ленингр. правда, 10 янв. С. 5). В том же номере Н.П. Горбунов писал об огромных заслугах самого Вавилова, следующего лозунгу В.И. Ленина «Обновлять советскую землю». Открывая съезд, Вавилов подчеркнул невиданные темпы институционализации сельскохозяйственной науки в СССР. Были оглашены приветствия от ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР и принято ответное обращение в адрес СНК и ЦК ВКП(б) «как руководителей строительства хозяйственной жизни на основе социализма». Вел съезд Н.И. Вавилов, почетным председателем избрали цитолога С.Г. Навашина, возглавлявшего Тимирязевский научно-исследовательский институт по изучению и пропаганде естествонаучных основ диалектического материализма.

От имени правительства съезд приветствовал секретарь Северо-Западного Бюро ЦК и Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) С.М. Киров, который призывал сельскохозяйственную практику «оплодотворить наукой» и декларировал: «Широким потоком отсюда со съезда хлынут на поля те знания, те научные достижения, которые так нужны деревне. Каждый научный работник должен сделать все, чтобы помочь разрешению тех великих задач, которые поставила перед нами история». Овацией встретили участники слова С.М. Кирова о том, что «съезд является блестящим подтверждением того, как на данном этапе социалистического строительства укрепился союз труда и науки». В приветственных выступлениях особо подчеркивалось внимание ученых всего мира к съезду, к присутствию на нем видных генетиков Р. Гольдшмидта, О. Вале, Г. Федерлея и др. Редактор первого в мире генетического журнала «*Zeitschrift für induktive Abstammungs- und Vererbungslehre*» Э. Баур заявил, что зарубежные генетики завидуют ученым СССР – лидера в области селекции и прикладной генетики. Баур был соавтором самой популярной в то время в научном мире книги «Очерки по учению о наследственности человека и расовой гигиене», оказавшей большое влияние на формирование расовых идей Адольфа Гитлера (Kröner *et al.*, 1994. Р. 57–70). Некоторые авторы до сих пор ставят Н.И. Вавилову в вину сотрудничество

⁷ Судя по опубликованному списку участников, ближе к истине первая цифра (Труды ..., 1930. Т. 1. С. 16–78). Среди 120 почетных гостей наряду с крупнейшими учеными были руководители партии и государства (М.И. Калинин, А.И. Рыков, И.В. Сталин и др.). На съезде было заслушано 20 пленарных и 264 секционных доклада, представлявших всю панораму советских исследований в генетике, в изучении культурных растений, селекции, семеноводстве и сортоизучении, племенном животноводстве (Там же. С. 81–94). В съезде ученых участвовали молодые исследователи, некоторые из них впоследствии стали лидерами отечественной биологии и активными борцами с лысенкоизмом (Б.Л. Астауров, П.А. Баранов, С.М. Гершензон, Н.П. Дубинин, и др.).

с фашиствовавшими евгениками, хотя ни сам Вавилов, ни сотрудники его ИПБиНК никогда не занимались евгеникой.

Заголовки с информацией о последующих днях съезда напоминали победные реляции с полей сражения. «Сенсации» следовали одна за другой. В выступлениях самого Вавилова и некоторых других участников съезда генетике был придан образ науки, творящей чудеса, позволяющей «овладеть этапами формообразования», «уметь самим создавать виды и формы», «подойти к синтезу тех видов, которые ныне фактически существуют» и т. д. (Вавилов, 1929. С. 6). Уподобляя генетика Создателю, Вавилов подчеркнул, что генетик, как и инженер, должен «не только знать строительный материал, но и строить. Быть инженером в своей области – такова задача генетиков» (Ленингр. правда, 16 янв. С. 3). В докладах сообщалось о создании новых злаков, продвигавших границы посева пшеницы далеко на Север (А.А. Сапегин, Г.К. Мейстер), о перспективах межвидовой и межродовой гибридизации (В.Е. Писарев, Г.Д. Карпеченко), о повышении урожайности на 25–40 % за счет внедрения скороспелых сортов (В.В. Таланов) и даже о превращении озимых злаков в яровые (Н.А. Максимов). Правда, докладчики были более осторожны в выводах, чем журналисты. Рассказывая о работах зарубежных и отечественных исследователей (Х. Аллард, Г. Гасснер, В. Гарнер, Е.А. Грачев, Г. Кребс, Э. Клаус, Х. Крейбиль, А.Д. Муринов, Д. Найтингель, Н.П. Тихонов) и собственных многолетних опытах, проведенных совместно с И.Н. Бородиной, А.В. Дорошенко, М.А. Кроткиной, В.И. Разумовым по регулированию длины вегетационного периода овса, ржи, пшеницы, ячменя, проса, сои, гороха и др. Н.А. Максимов допускал возможность преобразовать каждый озимый злак в яровой, но подчеркивал, что это происходит только в лабораторных условиях и путем вмешательства в вегетацию растений (Максимов, 1929). На съезде присутствовал Т.Д. Лысенко, совместный доклад которого с Д.А. Долгушиным (Долгушин, Лысенко, 1929) не привлек внимания ни ученых, ни прессы. Но они смогли увидеть, как эксплуатировать веру властей в быстродействующие средства для подъема сельского хозяйства, и учились у генетиков собирать «урожай» с

вспаханного ими поля «союза науки и труда».

Участники съезда выработали важные для развития сельского хозяйства постановления: «Докладная записка Правительству Союза ССР о нуждах с.-х. опытного дела», «О включении в программу вузов специального курса генетики и селекции», «О районировании и стандартизации сортов», «О принципах организации семеноводства и государственного семенного контроля», «О селекции сельскохозяйственных животных», «О пушном звероводстве в СССР» (Труды..., 1930. Т. 1. С. 135–146). Был дан список районированных и допускаемых к возделыванию сортов пшеницы (47), овсов (17), ячменя (14), сортов кукурузы (12) (Там же. С. 139–140).

Съезд показал, что Н.И. Вавилов – признанный лидер сельскохозяйственной науки и генетики. Вскоре он стал первым президентом ВАСХНИЛ, а с 1930 г. возглавил созданную Ю.А. Филипченко Лабораторию генетики АН СССР (ЛАГ), которую в 1934 г. реорганизовал в академический институт. В 1929 г. его назначили членом коллегии Наркомзема, а в 1930 г. избрали в состав Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. Но организованный им съезд был апофеозом и завершением «союза науки и труда». Он собирался, по словам Н.И. Вавилова, в «момент государственного напряженного внимания к проблемам селекции и семеноводства». Чем грозит «напряженное внимание» власти к науке, показали выборы в АН СССР, когда Н.И. Вавилов стал ее действительным членом. Именно в дни съезда в «Ленинградской правде» (13 янв. С. 2), на соседней странице с материалами съезда было напечатано письмо «От Президиума АН СССР», в котором сообщалось о «неувязочке» при выборе академиками трех ученых-партийцев и предлагалось провести повторную баллотировку проваленных кандидатов (Перчёнок, 1995).

В эти же дни Н.И. Вавилов столкнулся с первыми попытками парторганизации контролировать его действия. Бюро коллектива ВКП(б) ГИОА и ВИПБиНК хотело «привлечь марксистские силы к докладам на съезде»⁸, но поскольку его мнение не было учтено, решило «донести до сведения вышестоящих

⁸ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

парторганизаций, что партчасть выбрана в организационную комиссию съезда без участия бюро». С момента учреждения партийной ячейки ВИПБиНК в середине 1929 г. стала проявляться враждебность некоторых ее членов к Вавилову. Уже на одном из первых собраний, где с установочным докладом выступил секретарь бюро партийной ячейки, ассистент отдела полевых культур Н.Г. Касаткин, многие критически оценили состояние Института⁹. Н. Гейликман, Т.Г. Нестерович, С.М. Прокошев, А.П. Тимофеева и др. говорили о враждебных и упаднических настроениях в коллективе, о неправильном подборе кадров без учета их социального происхождения и партийности, о сопротивлении специалистов института задачам строительства социализма, о зажиме агрономического направления и излишней теоретизированности исследований. С подобными пессимистическими оценками не согласился сотрудник отдела сортоиспытания П.И. Чумак. Специалист по овсам М.Ф. Петропавловский отверг главные замечания в адрес Института: «...Я не согласен, что Ин[ститу]т оторван от жизни, это можно сказать только о части сотрудников, но не о целом коллективе... сотрудники сильно перегружены, жизнь идет таким темпом, что мы не успеваем в своем развитии за жизнью»¹⁰. В заключительном слове Н.Г. Касаткин, признав необходимость повышения «ответственности, дисциплинированности производственного пафоса», заявил, что также не согласен с высказываниями, что «Ин[ститу]т абсолютно оторван от жизни»¹¹. Так, наметилось противостояние сил в партбюро. В дальнейшем активность критиков, как правило, обострялась во время зарубежных поездок Н.И. Вавилова и стихала с появлением его в ВИПБиНК/ВИР.

Главные причины нападок на Вавилова со стороны членов партии в ВИПБиНК не были связаны только с положением в Институте. Успехам советских генетиков и селекционеров «завидовали не только немецкие ученые», но и часть растениеводов, агрономов, семеноводов, считавших, что Институт выбрал неверный путь развития с сильным уклоном на работу с

коллекциями. Успехи генетики болезненно воспринимали многие сторонники наследования благоприобретенных признаков, вытесненные из Комакадемии в 1927 г. Некоторых просто раздражали успехи лидера генетиков, его зарубежные поездки, международное признание, поддержка со стороны правительства. Чтобы эти обычные для творческого сообщества факторы переросли в затяжную борьбу, должна была сложиться уникальная совокупность идеологических и политико-экономических факторов.

Весной 1929 г. началась «культурная революция», борьба со старорежимной профессурой, диалектизация биологии марксистами-генетиками. Отстраненность Н.И. Вавилова от попыток создать «пролетарскую биологию» и приверженность эволюционным концепциям ранних генетиков давали простор для обвинений его в идеологических ошибках, в защите «буржуазных специалистов», в «зажиме молодежи». Еще опаснее оказалась форсированная коллективизация, резкий спад сельскохозяйственного производства, голод и поиск «козлов отпущения» в виде лидеров «правого уклона» в партии, фабрикация дел против интеллигенции и т. д. Арестованные Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Литошенко, А.В. Чаянов были многолетними друзьями и коллегами Н.И. Вавилова, он ходатайствовал об их освобождении, что вряд ли нравилось тем, кто был инициатором их преследований. Отстранение от власти А.И. Рыкова и Н.П. Горбунова лишило Вавилова правительственной поддержки тех, с кем задумывались крупномасштабные проекты развития сельскохозяйственной науки в СССР. С арестом заместителя наркома земледелия СССР А.Г. Берзина был потерян еще один канал взаимодействия с властными структурами. Для любого другого человека даже одного из этих факторов было бы достаточно, чтобы прервать успешную карьеру. Но на стороне Н.И. Вавилова было мировое признание, большое число сторонников в ГИОА и ВИР, высокий авторитет в международном сообществе и, наконец, лояльность Ленинградского обкома ВКП(б). Тем не менее «год великого перелома» стал для Вавилова зенитом его научно-организационной карьеры и началом критики его парторганизацией собственного Института.

⁹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

¹⁰ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об.

¹¹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

**«Культурная революция»
и изживание «фетишизма
перед буржуазными учеными»**

Начало «культурной революции», призванной сломать существовавшую иерархию в научном сообществе и мобилизовать ученых на строительство социализма (Cultural Revolution ..., 1984; Колчинский, 1999. С. 151–178), стало первым событием «года великого перелома», поколебавшего позиции Н.И. Вавилова в ВИПБиНК. В апреле 1929 г. руководитель Комакадемии М.Н. Покровский заявил о прекращении мирного сосуществования с немарксистами-естественниками и изживании «фетишизма перед буржуазными учеными» (Торбек, 1929. С. 270). Официальную поддержку получила идея А.М. Деборина о перестройке естествознания на основе материалистической диалектики, что давало возможность запрещать любую научную концепцию как несовместимую с марксизмом (Современные проблемы ..., 1930. С. 21, 107, 197–198 и др.). Позиция Деборина была поддержана многими генетиками и прежде всего И.И. Аголом (Задачи марксистов ..., 1930. С. 105), который призывал «очистить Комакадемию от чуждых марксистской идеологии элементов», «покончить с разбродом, царящим в ее стенах» (Там же. С. 27), и превратить «современное естествознание в марксистское». По его мнению, и генетика, и базирующаяся на ней эволюционная теория «есть стихийная материалистическая диалектика». Вскоре Агола назначили директором Тимирязевского биологического института Комакадемии, а его единомышленника С.Г. Левита – директором Медико-генетического института¹². В Президиуме ОБМ, председателем которого был Агол, доминировали генетики и их сторонники (М.С. Левин, С.Г. Левит, С.М. Гершензон, М.С. Навашин, А.С. Серебровский и др.). Сторонником генетики и ярким деборинцем в те годы был и И.И. Презент в Ленинграде.

«Культурная революция» ускорила после пленума ЦК ВКП(б), прошедшего в ноябре 1929 г. и решившего реорганизовать вузы и научные учреждения, укрепить их кадры членами партии и комсомола, выходцами из рабочего

класса, планировать и контролировать научные исследования, взять в свои руки подготовку кадров в области естествознания. В письме, направленном в Президиум Комакадемии в декабре 1929 г., А.К. Тимирязев отмечал, что аспиранты готовятся по узкой тематике, прежние профессора ничего не могут дать, кроме знаний в своей области¹³. В речи «К вопросам аграрной политики» в Комакадемии, которая положила начало дискредитации признанных авторитетов в отдельных отраслях науки, И.В. Сталин (1955а) указывал на отставание «теоретического фронта» от «успехов социалистического строительства» и убеждал, что практика опровергает возражения науки и ученым следует поучиться у практиков. Он осветил главный лозунг «культурной революции» в науке: теоретическая наука есть пустое самоутверждение и скорее вредна, чем полезна для социалистического строительства.

Попытка взять под партийный контроль подготовку кадров имела прямое отношение к ВИПБиНК, где в 1929 г. появилось 19 аспирантов, из которых 13 человек (72, 2 %) были членами партии и комсомольцами. По социальному положению доминировали выходцы из рабочих 3 (15, 78 %) и из крестьян 10 человек (52, 63 %) ¹⁴. Почти все члены партии имели солидный стаж, опыт ответственной работы и пришли не столько учиться, сколько учить других. Сама система обучения была нацелена на идеологическую подготовку, а не на овладение специальностью, что создавало им возможность чувствовать себя выше учителей. В отчетном докладе партийной ячейки ВИПБиНК за 1928–1929 гг. подчеркивалось: «Введенный институт аспирантов с первого же года внес живую струю в научный персонал и полностью себя оправдал» ¹⁵. Насчет оживления – это уж точно, а насчет полного оправдания можно и поспорить. В большинстве своем аспиранты, действительно, приняли нормы научной работы и поведения в Институте и стали со временем прекрасными специалистами вавиловской школы (например, Ф.Х. Бахтеев), в то время как другие (А.В. Альбенский, Н.А. Басова, Н. Гейлиман, А.И. Лусс, Т.Г. Нестерович, Г.Н. Шлыкков)

¹² АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 311. Л. 164.

¹³ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–3.

¹⁴ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

¹⁵ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

подключились к внутриинститутским критикам Вавилова, подводя под существовавшие разногласия по поводу того, чем должен заниматься Институт, идеолого-политическую основу. Стремясь втянуть аспирантов в борьбу с Вавиловым, критики Вавилова обвиняли несогласных с ними в аполитичности и деляческом отношении к работе (Альбенский)¹⁶. В результате жизнь научного коллектива, партийной ячейки и партбюро превратилась в серию непрерывных заседаний, принятия резолюций, разоблачений и обращений в «соответствующие органы», а также разбора каких-то склок и постоянных перевыборов партийцев, «не оправдавших доверие» и «пошедших на поводу у дирекции». За полтора года партбюро и его секретари переизбирались 5–6 раз.

Аспиранты, прикрепленные к ВИПБиНК, первые два года подчинялись Ленинградскому институту аспирантуры ВАСХНИЛ, который возглавлял бывший матрос Г.И. Быков, о котором Е.Н. Синская писала как о человеке «с зычным голосом, необычайно склонным к грозным митинговым выступлениям» (Синская, 1991. С. 148). Он активно участвовал в партийных собраниях, где обсуждали положение в Институте и результаты проверки ВИР бригадами Ленинградского обкома и Октябрьского райкома, ГубКК – РКИ, ЛОКА и т. д. Г.И. Быков ничего не понимал в обсуждаемых проблемах, но знал, когда признавать инкриминируемые ошибки, а когда категорически отвергать, когда критиковать Вавилова, а когда его увещать, а порой и даже защищать. Он вряд ли вынашивал какие-то планы по свержению Вавилова, искренне радел за Институт аспирантуры и был убежден в чистоте и праведности своих помыслов. Только когда Институт аспирантов закрыли, Г.И. Быков стал уверять, что «авторитет Вавилова слишком преувеличен»¹⁷.

Иначе обстояло дело с амбициозными аспирантами, среди которых выделялись А.В. Альбенский, Н. Гейликман и особенно Г.Н. Шлыков, известный позднее как активный сторонник Т.Д. Лысенко в ВИР. Вскоре после зачисления в аспирантуру и прикрепления к отделу интродукции он принял позицию А.К. Коля и с «партийной прямоотой» стал критиковать Н.И. Вавилова за

недостатки в организации исследований, неправильную их тематику, отсутствие практически значимых работ. Судя по спискам членов парторганизации, все образование Шлыкова ограничивалось сельской школой и было получено еще до революции. Но он явно был политически подкован, внимательно следил за передовицами центральных газет и быстро улавливал колебания в генеральной линии. В отличие от Альбенского Шлыков быстро вошел в Бюро партийной ячейки и везде позиционировал свое мнение как взгляд парторганизации в целом. В апреле 1931 г. он, видимо, хотел уйти из ВИР в аспирантуру ЛОКА. Ему помешала в этом его единомышленница Н.А. Басова, написавшая в партбюро заявление, что считает «ненормальным “вечное” аспирантство», и предложившая ему «заниматься самообразованием»¹⁸. Шлыков остался в ВИР и, став заведующим Отдела новых культур и интродукций, в том же году выжил оттуда своего предшественника А.К. Коля, чьи идеи до этого отстаивал. Сохранился интересный документ. Члены Бюро партийной ячейки ВИР, рассмотрев 6 мая 1931 г. «устное заявление тов. ШЛЫКОВА о невозможности работать с тов. Коля»¹⁹, приняли решение: «Тов. ШЛЫКОВУ продолжить работу в Отделе интродукции, проводя работу с таким расчетом, чтобы в ближайший месяц было бы т. Коля перевести в специализированный Институт (Корм. или Зерн.)». Вскоре Коля был арестован, а после освобождения отправлен на пенсию. Получив искомую должность, Шлыков на время затих, но через несколько лет возобновил борьбу с Вавиловым, пропагандируя уже теорию яровизации Т.Д. Лысенко. В годы «Большого террора» он был арестован, но вскоре выпущен, в 1942 г. был директором Всесоюзного института сухих субтропиков, два года – сотрудником Министерства сельского хозяйства СССР, а затем вернулся в ВИР.

Однако идейным вдохновителем и организатором атаки на Н.И. Вавилова в те годы был не Шлыков, как принято считать, а А.В. Альбенский. Ученик Ярославской духовной семинарии, он прошел традиционный путь советского активиста: учитель, секретарь волостного комитета бедноты, доброволец в войсках ВЧК, инструктор в политотделе Красной Армии,

¹⁶ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

¹⁷ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 115.

¹⁸ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 32.

¹⁹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 27.

комиссар Пермского университета, секретарь городского и районного комитетов РКП(б), член исполкома Пермского округа и бюро Окружного профсоюза. В 1930 г. Альбенский окончил Пермский университет, будучи уже в аспирантуре ВИР, которую завершил в 1931 г., Альбенский был дендрологом, но в каждом выступлении щеголял именами классиков философии и подводил идейно-политическую основу под любую научную теорию. В его речах карьерные устремления прикрывались рассуждениями о философско-методологической, политико-идеологической и социально-экономической вредности всех научных теорий и взглядов, кроме разделяемых им и воспринятых от сотрудников Арцыбашева. Именно Альбенский травил специалистов ВИР, добивался их замены партийцами. Став в мае 1931 г. секретарем парторганизации ВИР, а на следующий год – заведующим Отделом селекции и акклиматизации Всесоюзного института агролесомелиорации (ВНИАЛМИ), Альбенский на некоторое время из критика администрации превратился в ее партнера и уверял, что Н.И. Вавилов пересматривает прежние концепции и приближается к дарвиновскому и диалектико-материалистическому пониманию эволюции. Впоследствии он играл видную роль в дендрологии, лесоведении и агролесомелиорации, называя прежние атаки на Вавилова «грешками» молодости.

Опираясь на богатый опыт партийно-советской карьеры и связи, далеко не юные аспиранты-партийцы порой искренне верили в свое историческое предназначение возглавить научные исследования. Недостатки профессиональной подготовки они компенсировали социальной демагогией, требовали «чистки» кадров, предоставления им руководящих должностей на места, ранее занимаемые специалистами, до своего увольнения проводившими теоретические исследования, не имевшие, по их мнению, практического выхода. Не получая поддержки администрации, они сигнализировали в «соответствующие органы», инициируя проверки и разбирательства с привлечением властных структур. Вечный конфликт «поколений в науке» в условиях «культурной революции» приобрел политико-идеологическое, а затем и криминальное звучание. И это в значительной степени способствовало пристальному внима-

нию НК РКИ к возглавляемым Н.И. Вавиловым учреждениям. В начале 1930 г. комиссия РКИ отметила, что существует разрыв между ведущимися исследованиями и практическим использованием их результатов, нет связи исследований с жизнью, к научным исследованиям слабо привлекается молодежь.

Об этом было сообщено 21 февраля 1930 г. в газете «Правда» в «Листке РКИ» (№ 51. С. 4) в статье В. Балашова «Институт благородных ботаников». Там говорилось, что еще годом ранее в том же «Листке РКИ» увидела свет статья «Ученые в облаках» с критикой ГОИА и ВИПБиНК за отрыв исследований от задач реконструкции сельского хозяйства. Но с тех пор ничего не изменилось. Лучшие семена по-прежнему идут в кулацкие хозяйства, в институте процветает семейственность, штат укомплектован выходцами из дворян, почетных граждан, купцов, фабрикантов, священнослужителями, а также «старушками из бывших». Директор «большую часть времени проводит вне Института и организационно Институтом почти не руководит. Его заместитель, член партии Мартынов²⁰, “домашний коммунист”, упрямо не хотел замечать творящихся вокруг него безобразий, На них указывали и партийный коллектив, и отдельные коммунисты, но Мартынов величественно заявляет: “Я не обязан давать отчет о своих действиях никому, кроме ЦК партии и Наркомзема”. Небольшая кучка коммунистов находится в загоне. С их мнением никто не хочет считаться». Приведенный абзац точно отражает суть конфликта: часть партийного коллектива жаждала власти. И напрасно Вавилов добивался публикации опровержения (см. Есаков, 2007. С. 166–170), видимо, не зная еще, что «Правда» никаких опровержений вообще не печатает, а, кроме того, никого уже не интересовало, кто прав.

После этой публикации Альбенский и его сторонники начали массированную атаку на руководство Института, отмечая 14 апреля 1930 г. на общем партийном собрании ВИПБиНК недостатки в управлении и стратегии исследований, невыполнение решений партбюро, пассивность части коммунистов в критике руководителей отделов. О практической бесполезности заня-

²⁰ М.Д. Мартынов был помощником директора по административно-финансовой части ВИПБиНК.

тий черникой, проводимых Е.Н. Синской, и о необходимости «иметь силы, которые можно выдвигать», говорил А.В. Альбенский²¹. В унисон с ним звучали сетования И.В. Обода, что специалисты «больше внимания уделяют чисто научным, а не практическим вопросам... Мировые коллекции отнимают много времени, сил и средств, но в итоге все это лежит мертвым грузом без практического применения. Такой уклон надо проверить»²². Однако принятая резолюция состояла из общих фраз: «рекомендовать трехугольнику проработать вопрос о структуре, методах и направлениях работы Ин[ститу]та в целом», лучше учитывать «требования, предъявляемые Институту и отделам жизнью», «лучше работать по кадрам», «иметь список лиц кандидатов на выдвижение в лаборанты и младшие ассистенты»²³.

Арест 21 июля 1930 г. А.В. Чаянова инициировал кампанию по обличению всей сельскохозяйственной науки и поиску «врагов социалистической реконструкции сельского хозяйства» в самом ВИР. Принятая 11 августа 1930 г. резолюция по докладу Г.И. Быкова, посвященному решению XVI съезда ВКП(б) о сельском хозяйстве, выражала позицию А.В. Альбенского, Г.И. Быкова и Г.Н. Шлыкова и говорила о «перестройке всей научно-исследовательской работы в нашем Институте»²⁴.

Конфликт в ВИР на новый уровень вывели публикации в «Комсомольской правде» (4 окт. 1930 г.) и «Ленинградской правде» (7 дек. 1930 г.) с критикой ВАСХНИЛ, вовлекшие в конфликт Октябрьский райком и Ленинградский обком ВКП(б). В ВИР появились различные исследовательские бригады уже из партийных органов, только что созданного ЛОКА и др. Статье в «Комсомольской правде» был посвящен закрытый пленум ВКП(б) и ВЛКСМ при ВАСХНИЛ, состоявшийся 8 октября. Открывая прения, автор статьи, секретарь парторганизации Н. Гейликман сказал, что Институты ВАСХНИЛ не имеют ни планов, ни практических результатов: «люди не знают, что делать»; никто не может дать конкретных рекомендаций, «где, что и как сеять», «у комсомольцев и партийцев

нет чутья» на вредительство, они «не желают следить за работой Институт»²⁵. Многие выступавшие в прениях (Н.В. Ковалев, Г.И. Быков, Норкина, Бакланов, Брундуковский, Лебедев, Соболев, А.П. Тимофеева) причину сложившегося положения видели в том, что аппарат Президиума бездействует, его руководство постоянно находится за границей (Н.И. Вавилов и А.И. Гайстер) или в Саратове (Н.М. Тулайков) и т. д. В выступлениях часто звучала мысль, что «ученые специалисты почти все из дворян», занимаются саботажем, а администрация их покрывает, а значит «нужна чистка»²⁶. Часть вины перекладывали на партийные и контрольные органы. Так, А.И. Лусс отмечал, что по сигналам из ВИР работала комиссия ЦК ВКП(б) и обещала дать «красных профессоров», но их до сих пор нет, как нет и оргвыводов²⁷. Кудрашов напомнил, что давно говорится «о контрреволюционном ядре Академии», «была комиссия обл. РКИ и райкома ВКП(б), но дело как-то замали. Легкая кавалерия шевельнет; и мы заговорили опять, но делаем мало»²⁸. Некоторые выступавшие просили прислать новые комиссии и бригады. Подобные упреки отверг представитель областного РКИ Вульф: «Выдвинутое тов. Тимофеевой предложение о политических комиссарах неверно. *Каждый комсомолец, каждый партиец есть политический комиссар и работник ГПУ* (выделено мной – Э.К.)»²⁹. В заключительном слове Н. Гейликман отметил, что цель публикации – «привлечь внимание общественности к безобразнейшему положению в Академии. Президиум Академии не справляется с руководством, точно так же и парторганизация ленинградских институтов». Он охарактеризовал ее действие как «самую настоящую правооппортунистическую практику»³⁰. Подводя итоги, Дегтярев заверил, что «собрание можно считать первым итогом борьбы за ленинскую академию», пообещал «подходить к специалисту с политической точки зрения» и согласился: «Ин[ститу]т растениеводства занимается не делом»³¹.

²⁵ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

²⁶ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 36–37.

²⁷ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.

²⁸ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.

²⁹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.

³⁰ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 40.

³¹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 40.

²¹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

²² ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

²³ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 15–15 об.

²⁴ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 21.

Бригада в составе А.В. Альбенского, П.В. Жукова и Н.И. Иванова, обследуя 24 октября 1930 г. работу за полгода бюро партийной ячейки ВКП(б) ВИР, указала на отсутствие: «ударных тем»; «единоначалия, начиная с Президиума и кончая лицами, возглавляющими отделы», «ответственных лиц за работу»; «списка выдвиженцев по Институту»; «упадок дисциплины буквально по всему институту»³². Они требовали, чтобы научные должности заполнялись коммунистами, и отмечали «сопротивление значительной части научных работников переключению их исследований на ударные темы по выполнению актуальных задач». Для исправления положения в научных кадрах, где 54 % составляли бывшие дворяне и служащие и только два человека были из рабочих³³, Г.Н. Шлыков предложил «на должности зав[едующих] отделений подобрать членов партии, не специалистов из рабочих»³⁴, а М.В. Калашников – «коммунизировать наши отделения»³⁵. В этом хоре одиноко звучал голос управляющего делами ВИР М.М. Ушакова, призывавшего бережно относиться к специалистам, так как заменить их некем. К критикам присоединился недавно назначенный заместитель директора ВИР агроном Н.С. Переверзнев, согласившись с тем, что «отделения наши беспризорны. Ими никто не занимается»³⁶. По мнению Н. Гейликина, «администрация имеет лозунг: осторожность, осторожность и еще раз осторожность, но не всегда его можно применить в наших Ин[ститут]ах»³⁷. Агрессивность критиков нарастала с каждым днем, что показало обсуждение ситуации с каучуконосами, которую оценили как преступную на заседании Бюро 18 октября. Неистовый Гейликман требовал «немедленно снять всю преступную верхушку», а заодно «проверить партчасть Президиума Ин[ститут]а». Было решено за помощью обратиться в «органы», в печать и в рабочие коллективы крупных заводов³⁸.

В Ленинградской правде от 7 декабря 1930 г. (С. 3) была опубликована статья «Сельско-

хозяйственная академия им. Ленина должна повернуться лицом к социалистической реконструкции деревни. Быстрее ликвидировать пережитки “чаяновщины”». За подписью «Н.Г.», скорее всего, значился тот же Н. Гейликман. Статья явно была инспирирована кругами, фабриковавшими дела Трудовой крестьянской партии, и содержала уже политические обвинения. Недостатки в работе ВАСХНИЛ, по мнению автора, были «следствием чаяновско-кондратьевской традиции» в академических кругах, не желавших «ставить науку на службу социалистическому строительству. ...Дворяне, почетные граждане в значительной степени определяют социальное лицо Института... Немало старших научных сотрудников принесли с собой в Институт методы и традиции земского опытничества». В итоге работа, констатировалось в статье, идет «на холостом ходу», руководство ВАСХНИЛ занимается постоянной реорганизацией институтов вместо реальной очистки их от носителей «вредительской практики». В бездействии обвинялась и партийная организация ВАСХНИЛ, не реагирующая на критику: «Отдельные товарищи своевременно сигнализировали о процессах в Институтах... Еще до разоблачения вредителей они характеризовали деятельность отдельных работников как вредительскую. Однако фракция Академии не уделяла этому должного внимания». В статье сквозит и разочарование аспирантами, не поддержавшими нападки на Вавилова. «Аполитичность, дедаческое отношение к своей учебе, недооценка партийно-общественного воздействия на научный коллектив – вот что, по мнению автора, характеризует в основном аспирантуру».

Эта статья обозначила новый этап атак на Н.И. Вавилова. Ему как главе ВАСХНИЛ вменяли в вину потворство преступлениям: «чаяновщине» и вредительству, а партийной организации – отсутствие реакции на «сигналы». На выступлении главной партийной газеты Ленинграда отреагировал Октябрьский райком ВКП(б)³⁹. На пленуме «комсостава ВКП(б) институтов Сельскохозяйственной академии» было доложено, что райком согласен с постановкой вопроса «о ненормальностях в жизни парторганизации».

³² ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.

³³ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 14.

³⁴ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.

³⁵ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.

³⁶ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 48 об.

³⁷ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 48 об.

³⁸ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 46.

³⁹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. № 5. Л. 41–42.

Институты ВАСХНИЛ «не справились с задачей подвести научную базу под социалистическую реконструкцию», а их «парторганизация не смогла возглавить действия в этом направлении и не мобилизовала внимание на борьбу с чаяновщиной и кондратовщиной, и не возглавила чистки Институтот от реакционных и классово чуждых специалистов». Отмечено было отсутствие единства в Президиуме ВАСХНИЛ, часто подпадавшего под влияние враждующих группировок и чуждых элементов и ничего не делавшего для изживания «науки для науки» и «приоритета индивидуального труда перед коллективистским». По предложению Президиума ВАСХНИЛ, партийным ячейкам и профорганизациям отделов было предписано «провести мероприятия по самоочистке», «развернуть беспощадную борьбу с отжившими формами организации научных отделов, как цеховых, отраслевых и т. п. окостенелых организаций, и с феодальными взаимоотношениями сотрудников, покоящимися на рабском преклонении перед авторитетами и фетишизме ученых». Вместе с тем пленум заявил: «Парторганизация Ленинградской группы Институтот в основном здорова и, невзирая на трудности, будет стойко бороться за завоевание рабочим классом научных высот, за овладение рабочим классом с/х. наук»⁴⁰. На языке того времени это означало, что Октябрьский райком и парторганизация ВАСХНИЛ разделяют с администрацией ответственность за сложившееся положение и готовы к ее исправлению.

Реакцией на статью в «Ленинградской правде» стало общее собрание ячеек ВКП(б) при Ленинградском институте аспирантуры, на котором запугивали аспирантов, не поддерживавших критиков. Указывалось, что среди аспирантов «имеются нездоровые настроения: слышны разговоры о том, что ЦК проводит троцкистскую политику, вывозят продукты за границу, а сами голодаем; такие разговоры не встречают соответствующий отпор» (К.А. Сафин)⁴¹. Для преодоления ситуации М.Г. Тимофеева призвала «бороться с буржуазными теориями в естествознании»⁴². Наиболее радикальным был Г.Н. Шлыков, предложивший

«Прикрепить к производству аспирантов, бороться с теориями ВАВИЛОВА, оживить производственные совещания и послать бригады в Институты»⁴³.

13 января 1931 г. на расширенном заседании Бюро партийного и профсоюзного активот ВАСХНИЛ рассматривали планы реорганизации Институтот крупного хозяйства, механизации сельского хозяйства, агропочвоведения, аспирантуры и др.⁴⁴. От имени ВИР выступал Н.С. Переверзнев, который, назвав в числе его основных направлений районирование культур, определение районов наибольшей продуктивности (сортоиспытание), географической изменчивости и пр., заметил: «Изменение структуры выяснится к приезду Вавилова, тогда планы потребуют некоторой доработки»⁴⁵. Ссылка на Вавилова не понравилась ряду сотрудников ВИР. Представитель профсоюзного бюро Саппель выразил сомнения, что ВИР закончит составление планов к 1 марта 1931 г., так как «эта работа упирается в структуру, что оставлено на волю ВАВИЛОВА. Надо все закончить до приезда последнего»⁴⁶. Поддержав опасения Саппеля, Г.И. Быков призвал не поддаваться давлению Вавилова, избавиться от «выражения настроения боязни авторитета Вавилова. Таким настроениям надо давать отпор, и с приездом Вавилова также твердо проводить нашу линию»⁴⁷.

Этот призыв был сделан буквально за несколько дней до возвращения Вавилова из-за границы после полугодового отсутствия. О его приезде сообщила «Ленинградская правда» 17 января 1931 г. Увиденное явно потрясло его. С горечью Н.И. Вавилов говорил позднее: «Я приехал три недели назад и скажу, что я не видел Институт в таком положении приблизительно с 1920 г., половина зданий не топлена, аудитории не топлены, библиотека – мозг Академии – не топлена. Как можно готовить будущие кадры аспирантов при 5–6 градусах. Аспиранты не имеют достаточно нормальных условий»⁴⁸. Но еще больше его потрясла «разруха в головах», навязываемая коллективу группой партийных

⁴³ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.

⁴⁴ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–4.

⁴⁵ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

⁴⁶ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

⁴⁷ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

⁴⁸ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 111.

⁴⁰ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 42.

⁴¹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

⁴² ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

критиков, среди которых все чаще оказывался и новый «партдиректор» Н.С. Переверзнев, назначенный вместо «вельможного» Мартынова. Но Вавилов не дрогнул и вступил в «бой» за свое любимое детище. 18 января в «Красной газете», а 20 января в газете «Социалистическая реконструкция» публикуются его рассказы об итогах заграничного вояжа в страны Америки, в Германию и Францию.

Трудные бои

Так 9 февраля 1931 г. участники заседания только что созданного Биологического сектора (Биосектор) Секции естествознания ЛОКА характеризовали ситуацию в ВАСХНИЛ. Этому заседанию предшествовали радикальные изменения в Комакадемии в Москве. 11 января ее Президиум признал крупные «провалы на фронте естествознания» и потребовал провести «перестройку естественных и математических наук на основе материалистической диалектики»⁴⁹. Прежних руководителей Ассоциации естествознания, включая генетиков И.И. Агола и С.Г. Левита, обвинили в извращении «проблемы партийности в науке», в отождествлении работ буржуазных генетиков с марксизмом, в капитуляции перед буржуазной наукой, в «антимарксистском отрыве теории от практики». Псевдомарксистскими были названы работы Н.К. Кольцова по евгенике, а труды А.С. Серебровского – «формами приспособления к марксизму-ленинизму в условиях диктатуры пролетариата, по существу, отражающими напор классового врага на идеологию пролетариата» (О положении..., 1931. С. 19). Борьбу с подобными «приспособленцами» возглавил математик, профессиональный революционер Э.Я. Кольман, готовый законы Ньютона и Бойля-Мариотта переработать с позиций диалектического материализма (План..., 1932). Он не сомневался, что знание законов диалектики приведет к крупным открытиям в биологии, которая кишит вредителями: ихтиологи занижают производительные способности прудов и рек, зоологи и ботаники противостоят созданию совхозов-гигантов и препятствуют распашке степей, экономисты-аграрники пишут о дегра-

дации сельского хозяйства в СССР (Кольман, 1931. С. 74–75). Для борьбы с враждебными марксизму концепциями требовали ввести методологический и идеологический контроль над институтами Наркомзема, Наркомздрава, Наркомпроса, АН СССР, ВАСХНИЛ и их научными изданиями, организовать просмотр учебной литературы, программ и методов преподавания в учебных заведениях, создать марксистско-ленинские учебники по отдельным естественным наукам, преобразовать марксистские общества в массовые организации ученых и т. п.

В постановлениях ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”» от 25 января 1931 г. и «О работе Комакадемии» от 15 марта 1931 г. ставилась задача беспощадной борьбы со всеми «антимарксистскими, а, следовательно, антиленинскими установками» в естественных науках, связанных с социалистическим строительством. Это открывало простор для политических спекуляций и разгрома тех направлений в биологии, которые были обвинены в отрыве от борьбы за урожайность, продуктивность животноводства, увеличение улова рыб и т. д. Комакадемии предписывали участвовать во всех мероприятиях научного характера (экспедициях, конференциях, съездах, обследованиях тематических планах институтов), проверить кадровый состав учреждений и обеспечить «решительное выдвижение молодых сил из числа проявивших себя и выдержанных коммунистов». Все научные учреждения страны представляли на проверку в Биологический институт (БИКА) и ОБМ Комакадемии планы научно-исследовательских работ. Биология была объявлена классовой и партийной наукой, а ее теории стали характеризовать как буржуазные, вредительские, идеалистические, кулацкие, расистские, фашистские и т. п. Нормой стало противопоставление советских исследований мировой науке.

В ленинградской биологии главным выдвинутым этим этапом «культурной революции» стал И.И. Презент, который вместо академического марксиста Я.М. Урановского в начале 1931 г. возглавил организации, созданные для проведения политики партии среди биологов: ОБМ, естественнонаучную секцию ОВМД и Биосектор ЛОКА, кафедру диалектики природы и эволюционного учения в ЛГУ. На

⁴⁹ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 413. Л. 2–3.

упомянутом заседании Биосектора И.И. Презент, давая установки аспирантам, более чем наполовину представлявшим ВАСХНИЛ, вещал: «...Октябрьская революция в отношении перетряхивания теоретических установок еще только начинается. Нам нужно все взять на свои плечи. Основная задача – самокритика и перетряхивание. Нужно проделать черновую работу по сборке материалов, чтоб представить себе все реакционные течения. Нужно взять на критику всех. Черновой просмотр, сборка материала должна вестись широко и массово во всех учреждениях. Необходимо наметить бригаду, которая должна установить очередность всех течений и лиц, которых мы должны бить»⁵⁰. При этом он стремился сохранить за собой руководящую роль в критике биологов во всех учреждениях. «Всю работу, – подчеркивал Презент, – надо вести объединенно. Нужно, чтобы во главе всего стояла Комакадемия и чтобы она руководила всей работой. Нужно связаться с теми учреждениями, где работают отдельные специалисты, и установить в каждом, что они из себя представляют в своих теоретических взглядах и практической работе». Презент прямо говорит о том, что они берут на себя роль опричников Обкома ВКП(б) в области науки: «Нужно, чтобы у нас была единая линия, согласованная с Обкомом, кого и как ударить, и кого поддержать. Основная мерка – это политическое лицо ученого». Ссылки на Обком партии и необходимость согласовать с ним свои действия стали постоянными во всех решениях ОБМ и Биосектора Института естествознания ЛОКА.

К этому времени Презент уже определил ВАСХНИЛ и Н.И. Вавилова как первоочередные цели для обследования, фактически посвятив этому вопросу рассматриваемое заседание. Аспирант из ВАСХНИЛ В. Соколов докладывал: «У нас в ВАСХНИЛ идут бои за марксистскую методологию. У нас уже 3-е собрание, когда мы критикуем крупных специалистов. Ин[ститу]т аспирантуры дал очень многое по методологии, которой уделяется в подготовке даже большее внимание, чем специальным предметам. Наша Академия /доклад о прикладной ботанике Быкова/ имеет в своем составе, главным образом, чуждых нам специалистов, засорена лицами,

исключенными из других ВУЗ'ов. Есть затирание молодых специалистов. Мы выдвигаем вопрос о критике вавиловской школы»⁵¹. Оптимистично был настроен С.В. Солдатенков: «В Ин[ститу]те животноводства ВАСХНИЛ все аспиранты разбиты на бригады. Имеются конкретные результаты по проработке генетической школы Филипченко»⁵².

Однако сразу выяснилось, что далеко не все аспиранты жаждут прорабатывать своих учителей. И.Д. Мина признал: «Для нас вопрос об информации о работе поставлен неожиданно, и мы не очень хорошо подготовлены»⁵³. Об отсутствии профессиональных знаний говорил С.Н. Резник: «У нас хорошо поставлен диамат, но у нас очень недостаточна подготовка по методологии своих специальностей..., чтобы увязать марксистскую методологию с экспериментальной работой»⁵⁴. По его словам, из 200 аспирантов ВАСХНИЛ 73 человека – коммунисты и 42 – комсомольцы, но и среди них нет «заинтересованности в работе бригад ЛОКА», в разоблачении «реакционных теорий: Левитский, Лискун, Устьянцев, Берг, Любищев»⁵⁵. Аспирантов ВАСХНИЛ поддержала секретарь Биологической ассоциации АН СССР, аспирантка Е.М. Пружанская, отметив, что коммунисты есть только на подготовительном отделении аспирантуры и их знания столь слабы, что взяться за критику специалистов они не могут. С ней согласилась жена Презента Б.Г. Поташникова, признав: «...За проработку Вернадского, Павлова и других лиц мы еще взяться не можем»⁵⁶.

Даже А.В. Альбенский вынужден был признать: «В ВАСХНИЛ очень много наделано ошибок, и так ставить доклады (имеются в виду, очевидно, доклады Г.И. Быкова. – Э.К.) нельзя. Нужно работы по методологическому анализу делать очень ответственно»⁵⁷. Он согласился с тезисом о ведущей роли ЛОКА в подготовке докладов с критикой Вавилова и подчеркнул: «Необходимо вначале проверять их в Комакадемии и согласовать в соответствующих партийных органах. Нужно действительно глубоко

⁵¹ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

⁵² СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

⁵³ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

⁵⁴ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

⁵⁵ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

⁵⁶ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.

⁵⁷ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

⁵⁰ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.

поставить проработку теоретических вопросов и взяться за критику методологии Берга и др.» (Там же).

Своим опытом работы поделилась Б.Г. Поташникова, которая также считала: «За ВАСХНИЛ надо серьезно взяться, поскольку она играет крупную роль в нашем строительстве. Аспиранты правильно начали критику отдельных сотрудников. Взгляды Вавилова определенно мешают приблизить Ин[ститу]т растениеводства к соц[иалистическому] строительству. У них очень трудно вести борьбу, т[ак] к[ак] у них очень хорошо сколочены специалисты. У них очень много крупных спецов, без которых еще нельзя обойтись. *Вопрос о Вавиллове нужно бы было согласовать с Обкомом*» (выделено мной – Э.К.)⁵⁸.

В тот же день на общем собрании сотрудников ВИР шел очередной «трудный бой», где критиковали уже не организационные и кадровые ошибки в деятельности Вавилова, а всю систему его научных взглядов как противоречащих марксизму. Поводом для такой постановки вопроса стала статья «Прикладная ботаника или ленинское обновление земли? Лицом к нуждам социалистического строительства» в газете «Экономическая жизнь» от 29 января 1931 г., написанная А.К. Колем. В историко-научной литературе ее обычно оценивают как «политический донос», последовавший за снятием Н.П. Горбунова и положивший начало травле Вавилова. На мой взгляд, значение этой статьи сильно преувеличено. Она лишь одно из звеньев идущей уже более года атаки на Вавилова, а Коль не злой его гений, а марионетка аспирантов-партийцев. Язык и стилистика статьи, содержащиеся в ней обвинения ВИР в реакционности и вредительстве обычны для того времени. В ней чувствуются раздражение, зависть и обида амбициозного человека, советами которого пренебрегли и которого «не уважают». Коль обвинил ВИР в подмене теории «ленинского обновления земли» теорией «о центрах происхождения изменчивости», в профессорском копании в «ни к чему неприложимых томах “прикладной ботаники”»; в отказе от агрономически-селекционной работы и подмене ее морфолого-систематической, в

«противодействии введению в элитный фонд иностранных ценных пород» и т. д. Странно выглядело его предложение в условиях вхождения страны в режим автаркии ограничиться закупкой и интродукцией иностранных сортов на базе «учения о существовании многочисленных климатических аналогов в каждой области союза в виде десятков пунктов земного шара». «Экономическая жизнь» была изданием Народных комиссариатов снабжения, внешней торговли, путей сообщения и финансов, ее публикации не были директивными указаниями, и Н.И. Вавилову дали возможность публично ответить, но только 13 марта 1931 г. Руководствуясь распоряжением Наркомзема, Вавилов практически сразу после возвращения из-за границы приказал всем заведующим секциями ВИР максимально использовать уже в 1931 г. «практически ценный сортовой материал для посевов», включая «местный материал, селекционный и в особенности экспортируемый из-за границы», и предложил общую схему посевов, учет их и подведение итогов (Николай Иванович Вавилов ..., 1987. С. 87–88). Кроме того, он приказал с конца первой декады февраля провести сессию общих собраний отделов и секций ВИР в целях принятия планов на 1931 г. и на вторую пятилетку (Там же. С. 88), оперативно отреагировав на все критические замечания.

Тем не менее кое-кто в ВИР усмотрел в механистических рассуждениях Коля стимул для критики уже научных взглядов Вавилова. 9 февраля 1931 г. Г.И. Быков призвал критиковать концепции Вавилова, которые являются «насквозь антидарвинистскими, антимарксистскими по своему существу и методологии», в результате чего «практическая ценность значительных трудов Ин[ститу]та имеет отдаленное отношение к социалистической реконструкции с. х-ва»⁵⁹. Отмечалось «отсутствие материалистической диалектики в разработке основных проблем, стоящих перед Ин[ститу]том», «увлечение ботанико-селекционной стороной изучения с.х. культур без переключения результатов всех исследований в области растениеводства в практику крупного специализированного и механизированного социалистического с.х. производства»⁶⁰. Институт пользуется попу-

⁵⁸ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д.5. Л. 57.

⁵⁹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 7–8.

⁶⁰ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 25.

лярностью за границей, его труды переведены на многие языки, но ничего не делается для использования коллекций в социалистической практике. ГубКК и РКИ предлагали «произвести чистку научно-исследовательского и административно-хозяйственного аппарата Института»⁶¹. В очередной резолюции констатировалось: «Институт растениеводства по своему направлению совершенно не удовлетворяет тем требованиям, которые поставлены перед ним правительством и партией»..., «не справился с задачей реконструкции социалистического хозяйства»..., «не освободился от чуждой нам идеологии». «Партийные и общественные организации, взявшись за реорганизацию работы, столкнулись с враждебным отношением со стороны отдельных сотрудников. Другая часть беспартийных сотрудников попала в немилость у самой сильной части работников»⁶².

Следующий «бой» произошел несколько дней спустя при обсуждении вопроса об аспирантуре. Впервые, пожалуй, столь жесткие претензии к Н.И. Вавилову высказывали в его присутствии. Дата собрания в стенограмме не указана, а на папке ошибочно написано 1929 г. Но из выступлений видно, что оно проходило где-то 10–12 февраля 1931 г., через три недели после возвращения Вавилова из полугодовой экспедиции в страны Центральной Америки, Мексику и США. Роль застрельщика дискуссии вновь взял на себя Г.И. Быков, заявивший, что ВИР не выполняет решения XVI съезда партии ВКП(б), «не выкорчевал корни чаяновщины», и зловеще предупредил: «...Надо признать и вспомнить, что в основном чаяновская организация немало сделала для нашего Института, недаром они сидят сейчас под замком»⁶³. По его словам, обследовавшая ВИР бригада подтвердила выводы Коля, и «теперь наше положение определенно неблагоприятное и неблагоприятное». Быков грозно рывкал: «Небходима диктатура пролетариата», «никаких идеологий мы не позволим», «прекратить отрыв администрации от партийного коллектива», «часть наших профессоров, которая не целиком к нам повернулась, убрать и дать дорогу молодым». В то же время он лавировал, заявляя: «Вавилов

целиком и полностью наш. Он целиком и полностью заявил, что не берет на себя защиту этих враждебных элементов, что если потребуется чистка, то он возьмет это на себя, не думаю, что Николай Иванович спасует»⁶⁴. Быков призывал ликвидировать разрыв между парторганизацией и дирекцией, предупреждая всех, что партия будет руководить профессорами, а не наоборот, и что Институт будет вести решительную борьбу со всеми формами антидарвинизма, включая ламаркизм. Остановившись на брошенном Коле заявлении о контрреволюционной деятельности института и пустой трате денег, Быков предложил ответить на его вызов со «всею ответственностью и серьезностью». И серьезность ситуации поняли все присутствовавшие.

В развернувшейся дискуссии против основных положений доклада и обвинений в адрес Института выступили Л.Л. Балашов, Е.Н. Синская, Н.Г. Касаткин, Н.Д. Костецкий, В.В. Маркович, М.Г. Попов, К.А. Фляксбергер и др. Все они убедительно показывали бесплодность рекомендаций Коля и напоминали, что интродукция лучших сортов зерновых из США ничего не дала и нужно создавать совершенно новые сорта (Балашов)⁶⁵. Все они отмечали легковесность и безграмотность быковского выступления. Эти обвинения его сторонники парировали тем, что быковский доклад политический, а не научный. Даже некоторые сторонники Коля, например, М.В. Калашников, протестовали против превращения ВИР в почтовое отделение по пересылке семян. Тем не менее, защищая Коля, противники Вавилова (Н.И. Карташев, И.В. Овсянникова, С.М. Прокошев и др.) говорили о том, что в результате травли Коля превратился в больного, запуганного человека и, конечно, преувеличивает недостатки, реакционные действия ошибочно называет контрреволюцией, но в его словах надо признать правду, хотя бы на 5 %, особенно в части кадровой политики. Красочен был Григоров: «Мы имеем, по крайней мере, половину старых ископаемых ученых, которые ни практически, ни политически, ни научной ценности не представляют. А держать мощи и превращать Институт растениеводства в место,

⁶¹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 29.

⁶² ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.

⁶³ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁶⁴ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁶⁵ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 87–90.

где эти мощи сохраняются, мы не станем»⁶⁶. И далее с юной непосредственностью предлагал: «...Надо тов. Вавилова окружить молодыми кадрами, которые не просто пассивно бы относились к Вавилову как к ученому, а критически»⁶⁷. Все выступавшие отвергли обвинения Коля в контрреволюционной направленности работы ВИР, а Л.И. Говоров назвал подобные заявления мерзостью, хотя признавал вину в том, что научный авторитет Вавилова «настолько подавляет нас, что мы в его отсутствии были бесплодны». «Диалектический метод не так прост. И для того, чтобы овладеть этим методом, первое, что требуется, – говорил он с явной издевкой, – пролетарское чутье, которого у нас, представителей старой школы, нет»⁶⁸.

В ответном слове Вавилов⁶⁹, еще не привыкший к новой ситуации «критики невзирая на лица», вместо требуемой «самокритики», объяснял оппонентам трудности управления Институтом, затем обвинил их в малой образованности и призвал прочитать 100 тыс. книг, чтобы стать хорошими специалистами. Шлыкова он назвал «плохим специалистом», а Коля «плохим работником». Вавилов заявил, что всегда был дарвинистом, и пригрозил отставкой в том случае, если Коля не уберут из Института. Однако ему ответили, что Коля ему уволить не дадут, партию шантажировать нельзя и надо работать там, куда тебя назначили, а 100 тыс. книг читать ни к чему, так как они написаны буржуазными учеными и после их прочтения аспирант становится орудием врага. Дегтярёв прямо заявил: «Вавилов не прав... Молодежь атакует верно... Революция есть ветер, который отбрасывает всех тех, кто нам сопротивляется»⁷⁰. Видимо, это понимал и сам Вавилов, который посчитал необходимым публично отмежеваться от А.В. Чаянова и А.Г. Дояренко и даже назвал их «врагами нашего учреждения», заявив, «что никто столько палок в колеса не ставил, сколько эти представители, в развитие Института растениеводства»⁷¹.

Хотя письма Вавилова в газеты с опровержением критики не печатали (Левина, 1995. С. 38;

Есаков, 2008. С. 167–172), он предпринял мощное пропагандистское контрнаступление, рассказывая об основных направлениях работы Института на III Областном съезде Советов (Ленингр. правда, 22 февраля 1931 г.). Газета «Правда» дважды сообщала о его выступлении на VI съезде Советов СССР (15 марта 1931 г.) и на 1-й Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы (10 апреля 1931 г.). Об этом же сообщает и газета «Известия» (8 апреля 1931 г.) (Николай Иванович Вавилов ..., 1987. С. 100). В конце марта 1931 г. Вавилов делает большой доклад об основных направлениях работы ВИР на Президиуме ВАСХНИЛ, который был одобрен.

3 апреля 1931 г. Вавилов выступил на открытом пленуме ВКП(б) ВИР о задачах современной агрономической науки, о месте ВИР в их решении и о перспективах ВИР в свете постановлений XVI съезда партии⁷². С самого начала он сказал, что доклад был одобрен Президиумом ВАСХНИЛ, Наркомземом, а нарком земледелия Я.А. Яковлев подтвердил поддержку деятельности Института при недавнем посещении ВИР. С горечью и недоумением звучали слова Вавилова: «Половина наших помещений не отапливается. Это, товарищи, серьезное дело, которое в значительной степени определяет нашу неработоспособность. Это трудности, которые нетерпимы в таком учреждении, на которое возлагаются ответственные задачи, которое должно принимать участие не только в научной разработке теоретических проблем, которые могут подождать, но которое принимает участие в самой неотложной практической задаче, выполняя роль научного сектора Наркомзема»⁷³. На многих доклад, насыщенный конкретным материалом и цифрами, произвел большое впечатление, даже главные критики были сдержанны. Они по публикациям в прессе понимали, что основные положения доклада прошли апробацию в Москве и одобрены. А.В. Альбенский лишь выразил сомнения в том, что ВИР справится с поставленными задачами;

⁶⁶ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

⁶⁷ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 44.

⁶⁸ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 65.

⁶⁹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 44–56.

⁷⁰ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 72.

⁷¹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 3. Л. 56.

⁷² ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 39–67. Возможно, это дата указана неточно, так как считается, что именно в этот день Вавилов делал доклад на Всесоюзной конференции по планированию науки, в котором дал обзор состояния и перспектив развития сельскохозяйственных наук в СССР (Вавилов, 1931).

⁷³ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 73.

Г.Н. Шлыков выражал разочарование, что Вавилов говорил о будущих работах, а не о сегодняшнем дне; А.К. Коль обвинил ВИР в академизме; Г.И. Быков сетовал, что методология не «наша», не марксизм. Руководитель бригады Обкома, обследовавшей институт, Меньшиков, был аккуретен в формулировках. Он признал большие успехи ВИР в решении зерновой проблемы и повышении урожайности, но призывал отказаться от старых традиций индивидуального исследования в пользу коллективистских практик, укреплять связь с производством и т. д.⁷⁴ Вавилова поддержали Н.Н. Кулешов, Б.С. Мошков, М.Г. Попов и другие ведущие ученые. Осторожно выступал секретарь бюро партийной ячейки П.К. Артёмов, уверяя, что часть ответственности за недостатки в ВИР лежит на коммунистах.

В заключительном слове Н.И. Вавилов сначала резко стал отвечать на критику, делая упор на некомпетентности и малограмотности критики: «50 % того, что говорилось здесь, основано на недостаточном знании Института». «Т. Альбенский не знает наши работы, а результаты этой работы очень большие, мы имеем первоклассные ассортименты, которые бьют все остальные.... Альбенский говорит: “методология”, если б его послушал Нарком Земледелия, то он закрыл бы наше учреждение при такой постановке. Если Вы почитаете телеграммы, которые за день приходят, то Вы увидите, чего жизнь требует. Почему мы держимся за сортоиспытание, да потому что мы получаем совершенно конкретные вопросы, которые требуют конкретных знаний, а не методологии»⁷⁵. Далее Вавилов продемонстрировал великолепное знание всего, что делается в Институте, осветив теоретическое и практическое значение каждой плановой темы.

С частью претензий он согласился, сославшись на огромные перегрузки, не позволявшие проконтролировать каждую тему, признал необходимость поворачивать генетиков, физиологов и селекционеров к нуждам сегодняшнего дня. Вавилов был готов поделиться полномочиями с парторганизацией, но с тем условием, чтобы она приняла на себя и обязанности: «Есть части, которые нужно покруче поворачивать, так вот,

Вы их подтягивайте, а дирекция будет Вам признательна. Мы озабочены тем, чтобы на Вас перегрузить возможно больше обязанностей, это знают товарищи по работе в Президиуме; мы охотно пойдем на передачу Вам возможно больше функций, и *позвольте это пожелание зафиксировать* (выделено в стенограмме. – Э. К.)»⁷⁶. Не оставил без внимания Вавилов и актуальный вопрос об аспирантуре: «Относительно аспирантуры укажу на т. Быкова. Жаль, его нет. Он человек авторитетный в Ваших кругах, и его мнение очень для нас существенно. Но из-за его малограмотности с нашей точки зрения, его малого знания нас, его выстрелы в цель не попадают. Ему надо учиться. Когда вы будете нас знать, будете за чуб брать и повернете нас; но этих знаний у Вас недостаточно»⁷⁷. Отверг Вавилов и обвинения в отсутствии стержня в деятельности ВИР, пафосно заявив: «Целевая установка – это служба социалистической стране. Весь смысл нашего существования, чтобы быть полезным, как мы это представляем, и мы подводим базу под селекционную работу материалом, методологией, наконец, государственным сортоиспытанием: Это все не нужно? Это не целевая установка?»⁷⁸. Н.И. Вавилов ответил и А.К. Коль: «КОЛЬ говорит академизм – но мы сами пошли добровольно на переименование Отдела прикладной ботаники в Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур, а потом – Институт растениеводства... Конкретизируйте, общая словесность КОЛЯ надоела, а когда наступает конкретизация, то получается, что интродукционные участки засеяны крапивой»⁷⁹.

Останавливаясь на проблеме выдвижения кадров, Н.И. Вавилов горько заметил, что не в том дилемма, партийный сотрудник или беспартийный, а в том, что этих сотрудников нет. В условиях острейшего кадрового дефицита «надо подумать о том, чтобы по всем разделам обеспечить смену»⁸⁰. Вавилов призывал критиков к сотрудничеству: «...Дирекции очень легко будет с вами договориться, не противодействовать Вам будет, но всячески пойдет на встречу».⁸¹

⁷⁶ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 108.

⁷⁷ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 109.

⁷⁸ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 109.

⁷⁹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 109.

⁸⁰ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 109.

⁸¹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 110.

⁷⁴ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 98–100.

⁷⁵ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 107.

Он просил прекратить пустые разговоры об аполитичности и признал: «...Институт нуждается в повороте, в более крутом повороте лицом к социализму... Здесь Ваша помощь нужна, и она может быть чрезвычайно велика»⁸². Более того, Вавилов понимал, что коммунистическая фракция имеет «влияние несколько сильнее, нежели Дирекция». Вавилов признавал: «Бороться с реакционным направлением – боритесь, это Ваша задача»⁸³. Однако он не принял пункты резолюции о необходимости бороться против реакционного направления в научной работе и об излишнем количестве отраслевых институтов. И собрание согласилось с ним, создав комиссию для доработки постановления. Н.И. Вавилов сумел смягчить конфликт, пообещав сотрудничество критикам при условии приобретения ими профессиональных знаний. В конечном счете был принят смягченный вариант резолюции, доработанный Н.Г. Касаткиным, Г.Н. Шлыковым и М.В. Калашниковым: «Решения XVI партсъезда по докладу т. Яковлева о направлении работ С.Х. академии не отразились в деятельности Института: основная масса специалистов не была мобилизована...» и т. д. на четырех страницах⁸⁴.

Сложившаяся в ВИР обстановка вновь заставила Н.И. Вавилова поднять вопрос о своей отставке. В письме в Президиум ВАСХНИЛ он указывал на ненормальную обстановку, созданную в ВИР, «благодаря легкомыслию ряда партийных товарищей, мало подготовленных и в то же время зараженных запалом критики и реформаторства» (Николай Иванович Вавилов, 1987. С. 114). Одни требуют превратить ВИР в оперативный орган Наркомзема, другие, напротив, заняться методологией. Существует и «большая разногласица» «среди партийных кругов», не позволяющая выбрать стратегию исследований. Указывал он и на огромные финансовые и материальные трудности Института. Однако без Ленинградского Обкома вопрос об отставке Вавилова в то время не мог быть решен.

«Бои» в ВИР шли синхронно и согласованно с событиями в ЛОКА. 8 марта 1931 г. при обсуждении плана работ Презент вновь

подчеркнул, что необходимы «разбор различных реакционных течений в биологии и наряду с этим тщательная проверка их влияния на работу наших прикладных учреждений... нужно в первую очередь заняться: генетика ... (Вавилов, Карпеченко, школа Филиппченко)»⁸⁵. Он призвал заняться подготовкой к проведению Всесоюзных съездов с целью захвата руководства биологическими обществами и провести методический просмотр всех кафедр биологического профиля в вузах Ленинграда. Его возмущало, что профессора не ссылаются в своих работах и лекциях на партийные документы, а если и упоминают о них, то со скрежетом зубным. Наряду с обычными обвинениями в «отрыве теории от практики», «либеральном и оппортунистическом отношении к теоретическим вылазкам прямых классовых врагов» он инкриминировал генетикам «созерцательное отношение к природе, с ее якобы раз и навсегда сложившимися стабильными, наиболее благоприятными отношениями, затронуть которые значит, с точки зрения этих теоретиков, ворваться в порядок природы, нарушить ее устой... такова установка этих теоретиков, которые не прочь одеть природу в жандармский мундир, а самого жандарма облечь законностью природы» (Презент, 1932а. С. 2).

Как никто другой Презент умел придать любой научной дискуссии характер обострившейся классовой борьбы. Его деятельность была направлена на сокрушение традиционных научных школ, и в этом он был един с мировскими критиками Вавилова, возмущенными тем, что ученые старшего поколения, на словах приняв диалектический материализм, продолжают заниматься прежними темами, используют методы мировой науки и не уступают им место в руководстве, несмотря на безупречное социальное происхождение, партийность и знание марксизма.

Позиция Презента отражала взгляды новых руководителей ОБМ в Москве, которые декларировали: «Нужна решительная борьба, разоблачение реакционных “теорий” отдельных научных работников, пытавшихся ограничить возможность вмешательства экспериментатора, исследователя в ход развития животных и

⁸² ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 114.

⁸³ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 113.

⁸⁴ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 113.

⁸⁵ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.

растений, обосновывающих созерцательное, пассивное, любительское отношение к живой природе» (Мицкевич, Токин, 1932. С. 127). В докладе Б.П. Токина на общем собрании ОБМ, состоявшемся 14 марта 1931 г., в обязанности «марксистов-ленинцев» вменялось решать проблемы превращения озимых сортов культурных растений в яровые, «хлопковой и каучуковой независимости», борьбы с засухой и т. д. Токина особо возмущало «“святое” невмешательство в методологические установки Вавилова» (Против механистического материализма ..., 1931. С. 12). Он зловеще предупреждал: «Биология в СССР – не кабинетное дело. Совсем недавно мы имели раскрытие целой системы вредительства и на сельскохозяйственном “биологическом” участке. Разговоры об аполитичности естествознания, и биологии в частности, являются сознательной ложью “дипломированных лакеев буржуазии”» (Там же. С. 9–10). Он требовал проверить всю систему учреждений сельскохозяйственной науки, оговариваясь на всякий случай, что это «не означает, что мы должны дать лозунг “проработать” Вавилова» (Там же. С. 12). Ознакомившись бегло с материалами совещания ОБМ, В.И. Вернадский записал: «Читать нельзя, больное, невежественное. Для психиатра. Картина морального разложения... убогие люди и полное отсутствие понимания научной работы...» (Вернадский, 2001. С. 258). Но именно эти люди планировали осуществлять методологический контроль «над существующей и развертываемой сетью научно-исследовательских учреждений, входящих в состав Наркомзема (прежде всего ВАСХНИЛ)», «заслушать на пленуме ОБМ доклад о плане и работе Института животноводства и растениеводства ВАСХНИЛ», организовать «бригаду для изучения и критической оценки работ Н.И. Вавилова», поручив ей «подготовить для пленума общества доклад: “Генетика, селекция и проблемы растениеводства”» (Против механистического материализма ..., 1931. С. 92–93). Неизвестно, состоялся ли этот доклад. Его следов нет ни в одной из статей-отчетов или статей-планов руководителей Президиума ОБМ (Бондаренко, 1931; Бондаренко, Яксон, 1931; Новинский, 1931). Также нет сведений о реакции Н.И. Вавилова на личное предложение ему от редакции «За марксистско-ленинское

естествознание» принять участие в обсуждении плана работ БИКА, возглавляемого Б.П. Токиным (План работы ..., 1931. С. 127).

12 апреля 1931 г. на заседании Президиума Ассоциации Комакадемии был заслушан доклад руководителя Секции естествознания Института философии ЛОКА Я.М. Урановского и И.И. Презента о состоянии дел в Ленинграде. Они сообщили, что «организовано 9 бригад. Поставлена конкретная задача – оценка школ и направлений биологии с учетом, каковы выходы их в практику, в частности, оценка генетических школ Филипченко, Вавилова по вопросам селекции с/х растений, 2 бригады работают по проблемам зимозоустойчивости (так в тексте. – Э.К.) – проверка теоретических и практических установок для осуществления методологического контроля лаборатории проф. Максимова»⁸⁶. Отчет явно не удовлетворил Э.Я. Кольмана, который заявил: «Положение в Ленинграде следует признать ненормальным. Борьба со старым руководством не доведена до конца. В работе не обеспечено четкой партийной линии, несмотря на то, что Ленинград представляет собою крупнейший пролетарский центр, кадры совершенно не организованы, масштаб работы не принял надлежащих размеров»⁸⁷. По мнению члена Президиума Сурта: «из выступления Презента и Урановского видно, что борьба на два фронта не проведена и, видимо, данное руководство секции не может обеспечить четкой партийной линии. Ссылка на то, что в Ленинграде нет кадров и где их взять, – кажется более чем невероятной»⁸⁸. В конечном счете «организовывать кадры» поручили Презенту, ближайшими сотрудниками которого стали все те же аспиранты из ВАСХНИЛ А.В. Альбенский, С.М. Прокошев и Г.Н. Шлыков, вошедшие в состав правления ОБМ⁸⁹. Членами ОБМ были также другие сотрудники и аспиранты ВАСХНИЛ (Р.К. Аболин, Ф.Х. Бахтеев, И.Е. Брежнев, П.М. Жуковский, Г.М. Коваленко, В.А. Ковда, Н.А. Максимов, И.Д. Мина, Б.Б. Польшов, И.М. Поляков, Д.М. Разумов, С.Н. Резник, К.С. Семакин, С.А. Самофал, В.Н. Сукачев, М.Т. Тимофеева,

⁸⁶ СПФ АРАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.

⁸⁷ СПФ АРАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 6. Л. 53.

⁸⁸ СПФ АРАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 6. Л. 53.

⁸⁹ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

П.И. Чазов, С.В. Юзепчук и др.), которые были хорошими специалистами и оказались верны Н.И. Вавилову.

Особую активность и здесь проявлял А.В. Альбенский, который поначалу даже пытался сместить Презента с поста председателя ОБМ, но не получил поддержки его членов. Он возглавлял или входил в состав практически всех бригад, созданных для обследования ВАСХНИЛ, Лесотехнической академии, подготовки Всесоюзного съезда ботаников, Всесоюзной конференции по генетическому планированию и т. д. Всего в Ленинградском ОБМ по отчетам состояло 215 человек, но в разных списках насчитывалось не более 85 человек, а в протоколах мелькают 25–30 фамилий одних и тех же ассистентов, аспирантов и студентов Института естествознания ЛОКА, ЛГУ, Педагогического института им. А.И. Герцена, ВАСХНИЛ (всего 16 организаций)⁹⁰. Для борьбы с традиционными научными школами были созданы бригады, в том числе «по селекции и генетике в составе: А.В. Альбенского (бригадир) ВАСХНИЛ, Б.Г. Поташникова – А[кадеми]и наук, М.Е. Лобашева ЛГУ»⁹¹. Бригаде по виду (Н.В. Шипчинский – бригадир, Е.Г. Бобров, К.М. Завадский, П.Н. Овчинников, Д.А. Петров, М.М. Ильин, И.М. Крашенинников, С.В. Юзепчук и др.) поручили критику «лотсианского направления (экспериментально-генетическое)» и наметили два доклада: «о школе Г. Турессона и о школе Н.И. Вавилова “вид как система”»⁹². Бригада генетиков во главе с Б.Г. Поташниковой должна была «проверить работу Таланова, т[ак].к[ак]. наблюдалась подтасовка цифр»⁹³, и раскритиковать Вавилова за «механистические уклоны в генетике, проявившиеся в гомологических рядах и мировых центрах сортообразования»⁹⁴.

Б.Г. Поташникова была одной из ключевых фигур в событиях тех дней, связанных с Вавиловым. У нее за плечами был солидный партийный стаж (с 1920 г.), богатая биография советской активистки, участие в дискуссиях на стороне троцкистов и вынесенный из них опыт следования «генеральной линии партии» и колебаний

вместе с ней. Биологией она занималась только три года, но уже успела подготовить вместе с другим активистом «культурной революции» Н.Л. Гербильским большой учебник «Рабочая книга по естествознанию» (1931 г.). В 1929 г. Поташникова была аспиранткой в Педагогическом институте им. А.И. Герцена, а затем у В.Л. Комарова в АН СССР, разрабатывала генетический метод в систематике на материалах межвидовых гибридов в семействе крестоцветных⁹⁵. Она была знакома с трудами Г.Д. Карпеченко, прошла семинар у Ю.А. Филипченко. Возможно, поэтому существует мнение о том, что в начале своей карьеры И.И. Презент был чуть ли не консультантом по философии у Н.И. Вавилова и предлагал ему дать диалектическое обоснование генетики, что было отвергнуто⁹⁶. Помимо учебы в ЛГУ Поташникова работала в Биосекторе Института естествознания ЛОКА, где считалась главным специалистом по генетике, а после ареста Г.Д. Карпеченко была и.о. заведующей кафедрой генетики растений ЛГУ. Поташникова проявляла осторожность и осмотрительность в суждениях о генетике в целом и генетических взглядах Вавилова и его сотрудников в частности. «Принципиальный» Презент публично ее громил за потерю классового чутья и неумение вскрыть ошибки формальной генетики в трудах, правда, к тому времени уже покойного Ю.А. Филипченко.

Вместе с другими аспирантами ЛГУ – К. Косиковым и И. Яковлевым – Б.Г. Поташникова весной 1931 г. проверила лабораторию генетики АН СССР, возглавляемую Н.И. Вавиловым. От участия в проверке отказался М.Е. Лобашев, а также аспиранты ВИР, сославшиеся на посевную. Представленный отчет был согласован с Бюро биологической партийной ячейки АН СССР и с профбюро ее Ассоциации биологических учреждений⁹⁷. На пяти страницах убогистого текста проверяющие пункт за пунктом рассматривали пункты плана, отметив их многообразие (16 тем на 6 человек), но были осторожны в выводах о рекомендациях, оставляя решение на усмотрение будущей совместной

⁹⁰ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–4.

⁹¹ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 37.

⁹² СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

⁹³ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 33.

⁹⁴ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.

⁹⁵ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.

⁹⁶ Никаких документов, подтверждающих эту идею, нет. Участники событий тех дней мне [Э.И.К.] также ее не подтверждали.

⁹⁷ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–26.

конференции АН СССР, ВАСХНИЛ, ЛОКА по генетическому планированию. Хотя ни один пункт плана не остался без критических замечаний с учетом времени его составления, отчет был в целом положительный. В нем нет пунктов о вредительстве, механицизме, витализме и т. д. «Производственный план лаборатории генетики (ЛАГ) на 1932 г. является иллюстрацией того отставания науки от практики социалистического строительства», которое, однако, как тут же отмечается, «является характерным и для других областей нашего естествознания»⁹⁸. Как недостатки отмечены исследования генетики отдельных признаков, отсутствие связи с селекционными учреждениями, дублирование исследований по межвидовой гибридизации с работами ВИР и т. д. В качестве рекомендаций предложено сконцентрироваться на «осуществлении гена». Нигде в тексте нет упоминаний о Т.Д. Лысенко. Отсутствуют предложения об «оргвыводах», хотя подготовка кадров признана «совершенно неудовлетворительной».

В заключение предлагается, чтобы АН СССР взяла на себя инициативу созыва Всесоюзной генетической конференции по планированию, создав организационную комиссию, «которая, с одной стороны, соберет и изучит производственные планы различных генетических учреждений Союза, – как самостоятельных учреждений, так и ВУзовских лабораторий, а с другой стороны, выработает примерную схему планирования генетических исследований в СССР, в зависимости от характера учреждения, района расположения и т. д.»⁹⁹. Тон и осторожный характер рекомендаций говорят о том, что Поташникова не собиралась конфликтовать с Вавиловым. Об этом говорит и тот факт, что хотя на документах стоит резолюция И.И. Презента: «Доложить на Биосекторе», выводы комиссии было рекомендовано не обсуждать до будущей Всесоюзной конференции по планированию генетики.

По итогам проверки был создан Оргкомитет конференции во главе с Н.И. Вавиловым. ЛОКА делегировал в Оргкомитет философа И.А. Вайсберга, но тот не участвовал в подготовке конференции и обязанности секретаря Оргкомитета исполняла Б.Г. Поташникова¹⁰⁰. В первоначаль-

ном виде обращения, составленного от имени Оргкомитета в ЛОКА, ученых призывали искать пути «для ускорения научных исследований, осветить ряд теоретических моментов, необходимых для идейного вооружения пролетариата, для борьбы против вредительства, против идеалистических и механистических извращений марксизма»¹⁰¹. Из текста, приводимого в виде приложения, видно, что генетики усвоили язык и лозунги «культурной революции» и были готовы к «реконструкции своей науки», «пересмотру методов ее работы», «внедрению принципа классовости и партийности на основе марксистско-ленинской методологии», «пересмотру направлений и взаимоотношений с другими науками», приведенными, благодаря усилиям буржуазных ученых, «к состоянию раздробленности, взаимной оторванности и взаимного непонимания, а тем самым к состоянию загнивания, обессиливания, часто к прямому крохоборству». Эти все формулировки, написанные, видимо, Презентом или Поташниковой, вошли в окончательный вариант текста обращения Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований, которая, в конечном счете, состоялась 25–29 июня 1932 г. в Ленинграде (К созыву..., 1933).

До начала 1932 г. Презент и Поташникова оставались приверженцами генетики и не выступали с прямой критикой Н.И. Вавилова. 5 апреля 1932 г. на дискуссии «Кризис современной систематики» Презент говорил: «Генетика – это, можно сказать, волшебная наука, которая дает нам могучее оружие, при помощи которого мы можем подойти и к этим проблемам, к проблеме видообразования и понятию отбора»¹⁰² и подчеркивал: «... У нас большие расхождения с Ламарком»¹⁰³. В то же время он с яростью ренегата клеймил своих недавних кумиров деборинцев «за примиренчество к Филипченко, Кольцову и другим буржуазным ученым» (Презент, 1932а. С. 3).

Отделу физиологии растений ВИР во главе с Н.А. Максимовым и его работам по яровизации, морозо- и засухоустойчивости растений было уделено максимальное внимание со стороны Презента. Из вировских специалистов член-кор-

⁹⁸ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

⁹⁹ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

¹⁰⁰ СПФ АРАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.

¹⁰¹ СПФ АРАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–17.

¹⁰² СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 73.

¹⁰³ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 84.

респондент АН СССР Н.А. Максимов одним из первых высказался за внедрение методологии диалектического материализма в научную практику¹⁰⁴, выступал с докладами в ОВМД и ОБМ, критиковал своих оппонентов С.П. Костычева и В.И. Палладина за «механицизм», ведущий «к маховому академизму», а В.Н. Любименко – за витализм, открывший «объятия мистицизму», ратовал за создание «диалектико-материалистической физиологии» (Максимов, 1931). Такая готовность к сотрудничеству импонировала Презенту и его единомышленникам. В апреле 1931 г. бригада ЛОКА во главе с И.И. Презентом проводила методологический смотр биологических кафедр естественно-математического факультета Педагогического института им. А.И. Герцена. 28 апреля 1931 г. на совещании представителей ректората, декана и партийной ячейки было решено Максимова «поддержать, но указать ему на необходимость серьезной перестройки своей научной и педагогической работы»¹⁰⁵.

Специальная бригада ЛОКА (бригадир С.В. Солдатенков, П.С. Беликов, Л.А. Гардер) обследовала экспериментальные работы Н.А. Максимова. Ее выводы обсуждали 5 мая 1931 г. в ОБМ и 22 ноября 1931 г. на Бюро комячейки ВИР. Было признано, что Максимов является наиболее квалифицированным специалистом в этой области¹⁰⁶. Вместе с тем, по мнению проверяющих, механистическая методология, отсутствие четкой целевой установки и академизм завели «отдел в теоретический и практический тупик», «производственным, хозяйственно ценным является только объект исследования, а не сама постановка разрешения вопроса». Эти выводы были поддержаны Чуваевым и А.В. Альбенским, отмечавшим нежелание Максимова признавать собственные ошибки и неверные выводы своих сотрудников¹⁰⁷ и критиковавшим саму комиссию за примиренческое отношение к чуждой методологии Максимова, признание последним диалектического материализма только на словах и т. д. Альбенский заодно высказал ряд общих соображений о значении для сельского хозяйства и философии марксизма работ по акклиматизации, фотопериодизму,

селекции и пр., за которые был тут же обвинен в ламаркизме Креслиным¹⁰⁸. Категоричен был П.С. Беликов: «Несмотря на то, что лаборатория работает над изучением пшеницы и др. растений, она работает чисто академически и для нашего сельского хозяйства решительно ничего не дала»¹⁰⁹. Те же претензии были им высказаны в статье, посвященной «повороту» Максимова от «механистического мировоззрения» в «сторону диалектико-материалистического». По мнению Беликова, Максимова надо шире внедрять «план, соцсоревнование, ударничество», и «чем быстрее вольются в лабораторию новые кадры научных работников и переработаются старые», тем скорее будут изжиты академизм, отрыв от практики, «а метод марксистско-ленинского мировоззрения работников лаборатории внесет новые научно-исследовательские методы» (Беликов, 1931. С. 130).

Критические замечания в адрес Максимова раздавались и в стенах ВИР. Аспирантка отдела физиологии растений М.Г. Тимофеева предлагала «внимательно присмотреться к новому диалектическому марксисту проф. Максимова. На словах много хорошего говорится, а на деле у него “белые и черные” аспиранты», – следовательно (приговор), он «двурушник»¹¹⁰. Даже Н.В. Ковалев признал, что в отделе Максимова «не реализованы и не популяризированы методы по яровизации»¹¹¹. Отвечая на подобные замечания, С.В. Солдатенков заметил, что от Максимова и проверявшей его бригады нельзя требовать решения тех вопросов, которые накопились в физиологии растений за столетие¹¹². Его поддержал И.И. Презент: «Нам надо не только критиковать выводы бригады, но осмысливать представленные материалы»¹¹³. Презент порою даже сдерживал своих единомышленников, напутствуя их 19 апреля 1931 г. на дискуссию в Лесотехнической академии: «Завтра на диспуте слово “вредитель” не должно быть произнесено... Надо показать, как показал вчера Максимов, что так называемых естественных условий в реальности не существует»¹¹⁴. Подоб-

¹⁰⁴ ЦГАНТД. Ф. 318. Д. 478. Л. 48.

¹⁰⁵ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.

¹⁰⁶ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

¹⁰⁷ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

¹⁰⁸ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

¹⁰⁹ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

¹¹⁰ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 115.

¹¹¹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 71.

¹¹² СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

¹¹³ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

¹¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.

ные реверансы в адрес Максимова, вероятно, связаны с тем, что, будучи осведомленным о настроениях в обкоме ВКП(б) по поводу ситуации в ВИР, Презент избегал столкновений с влиятельным представителем вавиловской команды, и, может быть, надеялся использовать работы Максимова для создания диалектической биологии, нацеленной на овладение «формообразованием» организмов.

Между тем обстановка в ВИР продолжала накаляться. После статей в «Комсомольской правде», «Ленинградской правде» и «Экономической жизни» ВИР в течение полугода обследовали бригады, «которые на основании непосредственных наблюдений, а также замечаний и указаний отдельных сотрудников Институты и совещаний сделали выводы, утвержденные в основном Областным комитетом партии»¹¹⁵. 4 мая 1931 г. на заседании партийной ячейки заслушали выводы одной из обследовательских бригад обкома во главе с Меньшиковым, куда входили также Г.И. Быков и Ефимов. Соответствующими были и выводы. «Поворот не сделан. Переименование Института не повлекло изменения его работы». «Во главе Института стоит академик Вавилов со своими теориями. Теория Вавилова сознательно используется реакционной частью научных работников для отвлечения науки от социалистического строительства». «Парт[организацией] недостаточно было сосредоточено внимание на повседневное руководство реорганизацией Института», что «создает благоприятные отношения для вредительства». «Партруководство недооценило, не справилось с этим делом, налицо правооппортунистический уклон. В парторганизации склочная обстановка»¹¹⁶. Состоявшееся обсуждение подтвердило последний вывод. Каждый кого-то уличал: А.В. Альбенский – парторганизацию в отсутствии прогресса в изменении планов; Г.Н. Шлыков – ученых, превративших науку в самоцель; П.К. Артёмов – специалистов «во вредных линиях в работе, а партийную ячейку в делачестве»; Н.С. Переверзнев – Н.И. Вавилова, не позволявшего исправить ситуацию. Г.И. Быков призывал не бояться Вавилова и обвинял всех в травле П.И. Чазова, А.В. Альбенского, Г.Н. Шлыкова и Н.А. Басовой. По мнению Ефимова,

Н.С. Переверзнев мало информировал обком, а А.К. Коль, хоть и «сумбурный человек, но извлечь из него ценное надо, нужно создавать ему лучшее условие». В целом П.К. Артёмов признавал ошибки, Н.Г. Касаткин отрицал обвинения в адрес партийной ячейки, а Быков обвинял Касаткина в сопротивлении партийной линии. Подводя итоги, Меньшиков сказал, что не верит в искренность Артёмова и представителей администрации Переверзнева и Касаткина. «Правый оппортунизм остался жить и после решения райкома», – таков был его окончательный вывод. В результате состоялись перевыборы партбюро, благодаря поддержке представителя обкома секретарем на этот раз стал А.В. Альбенский, которого до этого не раз «прокатывали», а его союзник Шлыков остался лишь кандидатом в члены бюро. Пытаясь завоевать на свою сторону Н.В. Ковалева, Альбенский первоначально взял курс на сотрудничество с администрацией.

«Бывшие вредители» неплохо работают для социалистического строительства

Активность Г.И. Быкова и его подопечных создавала угрозу для всего ВАСХНИЛ и было решено возглавляемый им институт расформировать, а аспирантов распределить по соответствующим отделам для участия в плановых исследованиях. Это вызвало бурные протесты тех, кто стремился не столько к работе, сколько к изгнанию «зубров». «Распыление» аспирантов по институтам они назвали политическим вредительством, ведущим к росту «классово чуждых и враждебных прослоек», к отказу от «пролетарского контроля и хорошей марксистско-ленинской подготовки»¹¹⁷. Руководству ВАСХНИЛ предлагали «сделать необходимые выводы, хотя и с опозданием» и для этого составили докладную записку в Наркомзем на имя Я.А. Яковлева, а копии, как всегда, послали в ЦКК – НК РКК. Кроме того, протестовавшие требовали в отделе сельскохозяйственных кадров ЦК ВКП(б) собрать Всесоюзное совещание «треугольников» всех институтов ВАСХНИЛ, а пока развернуть «решительную и беспощадную борьбу с так называемой нелегальной

¹¹⁵ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

¹¹⁶ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 115.

¹¹⁷ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 4–5.

«черной» аспирантурой, резервом реакционной и контрреволюционной части профессуры во всех научно-исследовательских институтах ВАСХНИЛ»¹¹⁸. Однако на их протесты не обратили внимания, и Ленинградский институт аспирантуры как главная опора «культурной революции» в ВАСХНИЛ был ликвидирован.

На этот раз Н.И. Вавилов добился, чтобы газета «Экономическая жизнь» поместила его ответ на обвинения А.К. Коля. В статье от 13 марта 1931 г. «Работа Всесоюзного института растениеводства в области интродукции новых растений» он подчеркнул, что ВИР можно обвинить только «за широкий размах, за углубленную широкую работу, которая охватывала за короткое время земной шар и в то же время дошла вглубь до оценки мукомольно-хлебопечкарных особенностей наших сортов пшеницы и их практического значения... Эти широкие задачи пугают “людей в футляре”, но они соответствуют по масштабу социалистической реконструкции, проводимой в нашей стране». В послесловии к статье Вавилова редакция газеты признала «все бесспорные достижения» ВИР, но продолжала настаивать, что ориентировка ВИР на запросы «завтрашнего дня» служит поводом для ухода от актуальных задач, и желала ВИР «включиться в великую работу социалистической реконструкции Советской страны» и показать «новые победы на научном фронте». Комментарий с признанием «бесспорных успехов» и пожеланием «новых побед» Институту, обвиняемому недавно в «чаяновщине», «кондратовщине», «вредительстве», «реакционности» и даже «контрреволюции», означал, что где-то в высоких сферах не склонны поддерживать подобные оценки Вавилова.

Н.И. Вавилов добился отстранения от руководства Институтом Н.С. Переверзнев, который за его спиной вместе с секретарем партячейки ВИР П.К. Артёмовым обратился с письмом в Ленинградский обком ВКП(б) и Октябрьский райком (ВКПб) в марте 1931 г.¹¹⁹ Они предлагали «усилить коммунистическую прослойку» среди научных сотрудников и в помощь беспартийным Г.Д. Карпеченко, Н.А. Максимова, В.Е. Писареву и другим оставить «для руководящей научной работы» в отделе генетики А.И. Лусса, в отделе

селекции – Т.Г. Нестеровича, в отделе физиологии растений – С.М. Прокошева, а также Антоненко и Быстрикова – по физиологии растений и М.В. Калашникова по культуре каучуконосов¹²⁰. Авторы письма предлагали провести кадровые изменения до возвращения Н.И. Вавилова, Г.Д. Карпеченко и Н.Н. Кулешова из зарубежных командировок, откуда они наверняка привезут буржуазные теории, вредные для молодых сотрудников.

Н.С. Переверзнев приказом Наркомзема от 30 апреля 1931 г. был направлен заведующим свекловичным факультетом Воронежского СХИ, но, видимо, место назначения сразу же изменили. Партийная ячейка ВИР пыталась протестовать и приняла 6 мая 1931 г. резолюцию: «Бюро ячейки ВКП(б) считает необходимым настаивать перед фракцией Президиума Академии и Наркомзема СССР об оставлении т. ПЕРЕВЕРЗНЕВА на работе Зам[естителя] Дир[ектора] ВИР’а, так как т. ПЕРЕВЕРЗНЕВ является одним из нескольких чл. ВКП(б) администраторов ВИР, знающих всю работу ВИР, признал имевшиеся ранее ошибки в руководстве ВИР’ом, что отмечено и бригадой Обкома ВКП(б), а потому он может и должен с пользой для дела остаться на работе в ВИР’е. Категорически возражать против откомандирования т. Переверзнева на работу в Сельхозгиз»¹²¹. Протест остался без внимания, а увольнение зам. директора ВИР Переверзнева остудило пыл главных критиков Вавилова. Новым заместителем Н.И. Вавилова стал Н.В. Ковалев, имевший большой авторитет и связи в партийных кругах, а также опыт административной работы в ВАСХНИЛ. Это был удачный выбор. Ковалев оказался для Вавилова не только ценным помощником и верным соратником, но со временем стал хорошим специалистом по систематике, экологии, географии и генетике плодовых культур.

Вскоре последовали события, убедившие многих, что и дирекция, и ее вировский критики находятся в одной лодке. 15 апреля 1931 г. газета «Экономическая жизнь» вновь обратилась к ситуации в ВИР, инспирированной на сей раз Л.С. Эратовым-Слуцким, заведующим Центральным бюро по морским и пресноводным водорослям, переведенным недавно из Москвы

¹¹⁸ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 6 об–7.

¹¹⁹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 16–17.

¹²⁰ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 16 об.

¹²¹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 26 об.

в ВИР. Миронов и Молчанов, авторы статьи «В стороне от схватки» писали, что Всесоюзный институт растениеводства не идет в ногу с запросами реконструкции сельского хозяйства. В итоге обследования бригады «Экономическая жизнь», как обычно, обвиняла ВИР в академизме, в отрыве от запросов жизни, от нужд промышленности, колхозов, совхозов, в неблагополучном кадровом составе. «В подавляющем большинстве своем печатные труды работников института заражены теорией Берга и др. антидарвинистов. Элементы диалектического материализма было бы напрасно в этих работах искать. Особняком стоит труд академика П. (так в тексте. – Э.К.) И. Вавилова “Земледельческий Афганистан”». На этот раз критический удар был направлен и в сторону парторганизации, которая «не сумела создать прочной основы для осуществления линии партии в институте. Консервативные элементы из научных работников не встретили отпор своим реакционным установкам и деятельности. Более того, этот реакционный блок сумел подчинить своему влиянию некоторых руководящих партработников института (тт. Ушакова, Переверзнева, Касаткина)». Завершалась статья сакраментальной фразой тех лет: «К Институту должно быть привлечено внимание соответствующих органов».

Соответственно и реакция нового состава Бюро партийной ячейки на статью в газете была резко негативной. Особое негодование вызвало поведение Миронова при проведении обследования, как сказано, тенденциозного и грубого: «Статья бригады неправильно освещает вопрос с водорослями и переоценивает вопрос с новыми культурами... написана в слишком резком тоне, что не может положительно способствовать работе в Институте по изживанию недостатков»¹²². 1 июля 1931 г. было отвергнуто предложение ГУБKK – РКИ о «доочистке Института»: «Никаких доочисток не допускать» ни в Академии, ни в Институтах¹²³.

18 мая 1931 г. было признано правильным решение секретариата Октябрьского райкома партии, в котором ВИР предлагалось более внимательно относиться к части научных работников, вовлекать «в партию» зарекомендовавших себя в общественной и практической работе.

Это было явное неодобрение огульной критики специалистов¹²⁴.

Однако окончательную точку во всех этих проверках, выводах, резолюциях мог поставить Ленинградский обком партии. Вопрос «О работе ленинградских институтов Академии сельхоз. наук им. Ленина» дважды рассматривался его Секретариатом во главе с С.М. Кировым. В результате первого обсуждения с участием Н.В. Ковалева была подготовлена резолюция, окончательное редактирование которой поручили секретарю обкома и председателю президиума ЛОКА Б.П. Позерну, и утвердили ее 9 июля 1931 г.¹²⁵ В целом она оказалась положительной для Н.И. Вавилова, так как в ней отмечалось наличие «некоторого перелома в направлении практического участия в разрешении проблем социалистической реконструкции сельского хозяйства (сортоиспытания семян, поднятие урожайности, проблем животноводства, кормовых добавок, технических культур» и др.¹²⁶. Вместе с тем указывалось на отсутствие «большевистской настойчивости в выкорчевывании» правого оппортунизма, «слабую борьбу с вредителями», «засорение аппарата чуждыми элементами», «слабую связь с социалистическим производством» и т. д. Вновь было указано на слабую работу по привлечению «ценных специалистов к разрешению задач социалистического строительства», включению их в общественные организации типа ВАРНИТСО и даже в партию. Эти изменения в кадровой политике были явно связаны с речью И.В. Сталина 23 июня 1931 г. на совещании хозяйственников (Сталин, 1955б). В ней предлагалось прекратить травлю старой интеллигенции («спедедство») и беречь ее.

Обком отмечал также ошибки в научно-организационной работе, слабую вовлеченность аспирантов в планы работ отделов, малое внимание к философско-методологической стороне их образования, отсутствие тесной связи многих исследований с практикой. Чтобы исправить это положение, ряду райкомов Ленинграда, включая Октябрьский, в который входила парторганизация ВИР, было предложено установить контроль над деятельностью Институты ВАСХНИЛ и оказывать им поддержку. Это

¹²⁴ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 30 об.

¹²⁵ ЦГАИПД. Ф. 24. Связка 28. Оп. 1. Д. 323. Л. 2.

¹²⁶ ЦГАИПД. Ф. 24. Связка 28. Оп. 1. Д. 323. Л. 13.

¹²² ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 31 об.

¹²³ ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 22. Л. 48.

была, конечно, жесткая критика, но критика в духе того времени, когда в основном за обвинениями во вредительстве, реакционности и в срыве партийных решений следовали кадровые решения, а затем и репрессивные меры. Ни тех, ни других на сей раз не последовало.

Н.В. Ковалев, докладывая о решении Секретариата Обкома 17 июля 1931 г. на открытом партийном собрании и о принятых дирекцией мерах, подчеркнул: «Указания на недостатки ни в коем случае не смазывают той большой работы, которая проведена Институтом, и заслуг Института и его работников. За период существования с 1924 г. Институт, конечно, проделал большую весьма ценную работу, не только по собиранию мировых растительных ресурсов, но и по их рационализации, большую работу в части селекции, технических испытаниях, в физиологических и других отраслях»¹²⁷. Он представил на рассмотрение единый план работы ВАСХНИЛ и положение о ВИР, очертил основные направления его деятельности, в которые были включены растительные ресурсы, генетика, селекция, сортоведение, семеноводство, агротехника. Районирование сортов было охарактеризовано как важнейшая задача. Дискуссия была довольно сдержанной. Критики Н.И. Вавилова понимали, что не нашли желанной поддержки в обкоме, а с Вавиловым и его командой придется сосуществовать. Только неугомонный Шлыков продолжал твердить: «Мы давно ощущали разные недостатки, но что сделано к изжитию этих недостатков? Пока ничего не сделано. Были хорошие перспективы. Но перспективы так и остались. Тов. Ковалев не указал путей, по которым должны протекать наши связи с хозяйственными и научными организациями»¹²⁸. В тот же день К.В. Бобкову было поручено «составить список ученых специалистов и др. научных работников для их изучения и выявления как резерва по вступлению в партию»¹²⁹, что положило конец огульному их охаиванию.

3 августа 1931 г. в «Правде» было напечатано постановление СНК СССР по вопросам селекции, в котором перед ВАСХНИЛ ставилась нереальная задача: за 3–4 года обновить сорто-

вой состав зерновых культур по всей стране с целью резкого повышения урожайности. 11 августа 1932 г. на партсобрании ВИР «состоялась проработка решения Обкома от 9/VII по обследованию Академии в г. Ленинграде». Его зачитал А.В. Альбенский¹³⁰. Обсуждение носило формальный характер. Шлыков призывал признать, что «постановление соответствует нашему положению. Надо им руководствоваться при работе в ВИР'е и исправлять работу ВИР'а». К.С. Семакин желал «взять в оборот тех т.т., которые молчат и не желают отвечать за производство», прежде всего «селекционеров и генетиков»¹³¹.

22 августа 1931 г. вновь обсуждали мероприятия, направленные на выполнение постановления Обкома и прямо связанные с «культурной революцией»¹³². Было решено поддержать ячейки ОВМД, развернуть кружки по изучению диалектического материализма, активизировать работу ВАРНИТСО, а аспирантов оценивать не столько по политической и идеологической работе, сколько по реальному вкладу в исследования отделов. Почувствовав ответственность и имитируя деятельность, партбюро формулировало пункт за пунктом меры, призванные исправить недостатки. Вот типичный образец «их творчества»: «Отделу генетики и селекции в кратчайшие сроки (не позднее 15. XI) для ускорения сроков выведения новых сортов, пригодных для крупных механизированных хозяйств, разработать план оборудования селекционных центров в соответствии с применением новейшей техники и усовершенствованием методов селекции по культурам»¹³³. И так всюду: «поручить», «обязать», «ускорить», «формировать», «обеспечить», «проконтролировать».

Выполняя решения Секретариата обкома 29 сентября 1931 г. с отчетным докладом на групповом собрании коллективов ВКП(б) ленинградских институтов ВАСХНИЛ выступил секретарь Октябрьского райкома М.Я. Колчинский¹³⁴. Он заявил о поддержке главных направлений деятельности ВИР и об изменениях в партийной кадровой политике, пошутил даже:

¹³⁰ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 53.

¹³¹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 53.

¹³² ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 55–56 об. 58.

¹³³ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. Д. 22. Л. 55 об.

¹³⁴ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. Д. 22. Л. 11–12.

¹²⁷ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 20. Л. 11.

¹²⁸ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

¹²⁹ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 50.

«“Бывшие вредители” неплохо работают для социалистического строительства». Одна из задач партийной организации, по его словам, – это «поворот научно-исследовательской работы к нашему хозяйству». Все благополучно с социальным составом аспирантов: «80 % рабочих с производства, 60 % партийно-комсомольский состав. Качество учебы оставляет желать много лучшего»¹³⁵. Не всегда положительную роль играют общества ЛОКА. И вывод: «Научные учреждения полностью всеми участками не овладели»¹³⁶. Слыша упреки в свой адрес, записные критики ВИР вели себя сдержанно, задавали вопросы по частным, бытовым вопросам. В заключительном слове М.Я. Колчинский сообщил, что в райкоме создан сектор научно-исследовательской работы для повседневного контроля над работой в научных учреждениях и эта инициатива одобрена комиссией Политбюро, обследовавшей райком¹³⁷.

К осени 1931 г. ситуация в ВИР стабилизировалась. Часть критиков была уволена, другие немного притихли, поняв, что Н.И. Вавилов сохранил поддержку в верхах и продолжение «кавалерийских атак», как любил говорить Альбенский, может обернуться плачевно для их инициаторов, на которых власти все чаще также возлагали вину за то, что те не сумели «организовать», «мобилизовать», «повернуть лицом», «связать с практикой», «внедрить», «не овладели ситуацией» и т. п. На время стихла демагогия, инициаторы и жалобщики не получали поддержки со стороны своих недавних союзников. Партбюро чаще всего становилось на сторону администрации, как это было в случае с Г.И. Быковым, М.В. Калашниковым, М.Г. Тимофеевой¹³⁸. К тому же Н.И. Вавилов удовлетворил амбиции главных зачинщиков конфликта, назначив А.В. Альбенского, П.К. Артёмова, А.И. Лусса, Г.Н. Шлыкова и др. заведующими отделами, а некоторых их союзников – руководителями региональных учреждений ВИР, старшими научными сотрудниками. Это позволило на время притушить конфликты. Тем не менее Вавилов понимал, что Институту нанесен тяжелый ущерб. 7 октября 1931 г. он писал:

«Эта (прошлая ныне) весна была не очень легка для специалистов... Устранено от заведования много специалистов. Часть была даже под арестом по обвинению в контрреволюции» (цит. по: Савина, 1995. С. 19).

С еще большей энергией Н.И. Вавилов взялся за привлечение общественности на свою сторону. В газетах «Известия» (27 октября и 8 декабря 1931 г.), «Социалистическое земледелие» (29 и 30 октября 1931 г.), «Ленинградская правда» (25 ноября 1931 г.) он пишет о роли ВИР в решении проблемы засухоустойчивости растений, в мобилизации мирового генофонда на выведение новых сортов зерновых культур, в продвижении земледелия на Север. В этих статьях Н.И. Вавилов, не вступая в полемику, фактически дезавуирует все обвинения в свой адрес, показывает их необоснованность и ангажированность. Проблема северного земледелия посвящен и его доклад на Ленинградской чрезвычайной сессии АН СССР от 25–30 ноября 1931 г. Все эти примеры показывают, что в целом его деятельность поддержана партийными и советскими органами, а также академической общественностью.

В этих условиях Альбенский демонстрирует политику «помощи Вавилову в преодолении ошибок». Весьма характерно его письмо от 22 сентября 1931 г., в котором сообщалось, что Вавилов, как показала его работа «Линнеевский вид как система», стал пересматривать свои прежние взгляды, признавать роль среды в видообразовании, увеличил число центров происхождения растений якобы до 28. По мнению автора, эти изменения обусловлены рядом факторов: «а) втягиванием его в хозработы, что надо еще более углубить, особенно по Президиуму Академии; б) критикой его работ; в) общей критикой (после смены философского руководства) реакционных теорий в СССР; г) правильным политруководством»¹³⁹. В эволюции взглядов Вавилова, по мнению Альбенского, существенную роль сыграли также экспериментальные работы Г.Д. Карпеченко по отдаленной гибридизации и Т.Д. Лысенко – по яровизации. Как писал Альбенский, «наиболее важный удар по методам ВИР со стороны Лысенко, который методом яровизации доказал, что скороспелость

¹³⁵ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. Д. 22. Л. 11.

¹³⁶ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. Д. 22. Л. 12.

¹³⁷ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. Д. 22. Л. 14.

¹³⁸ ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 22. Л. 61–63, 72 об–73.

¹³⁹ ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 22. Л. 74.

и прочие физиологические и даже морфологические признаки не постоянны и никакого клубка из себя не представляют, из среднеспелых и поздних пшениц выделил скороспелые или превратил в скороспелые сорта»¹⁴⁰. Это первое упоминание фамилии Т.Д. Лысенко в выступлениях и заявлениях активистов «культурной революции». В концовке записки Альбенский все же напал на Е.В. Вульфа, М.А. Розанову, Г.А. Рубцову, Е.Н. Синскую, М.Г. Попова, объявляя их исследования по-прежнему бесплодными и как бы противопоставляя их Н.И. Вавилову, двигавшемуся по пути пересмотра своих взглядов и повернувшемуся лицом к практике.

Однако, убедившись вскоре, что Ковалев сохраняет лояльность Вавилову и не собирается во всем потакать Альбенскому и Шлыкову, последние вновь заговорили об «оппортунистических установках, направленных на затягивание научной работы», о «протаскивании в трудах ВИР теории гомологичных рядов, основные установки которой сам Вавилов признал неправильными», о «недостаточном использовании сил Комакадемии, хотя они пока еще недостаточно сильны, но они уже нам много помощи оказали»¹⁴¹. Особенно его тревожила потеря поддержки у своих недавних сторонников. В ВИР у передвигаемых на ответственные посты членов партии «намечается постепенное заражение от спецов неправильными установками даже в организационных вопросах».

Эти вопросы обсуждались на общем собрании ВИР 3 января 1931 г. С.М. Прокошев отмечал: «Во время проверки трудов создаются вредные теории, на которых следует остановиться. Ученые специалисты подчеркивают, что работа слишком специальная и не может быть рассмотрена с точки зрения марксистско-ленинской методологии, нельзя подходить с точки зрения постановлений XVI съезда и т. д.»¹⁴². По мнению Анишева, «большевистскими растениеводцами» можно было стать, если «изучать историю классовой борьбы, а не только применение диалектики в растениеводстве»¹⁴³, а А.В. Альбенский предложил приступить к изъ-

ятию из библиотеки вредных книг. Как всегда категоричен по отношению ко всем, кто думал иначе, был Г.Н. Шлыков: «Всякие шуточки в сторону, всякие смешки о невыполнении планов – оппортунизм. Всякий партиец, не проявляющий своего лица в работе Института в данное время – настоящий оппортунист»¹⁴⁴. И вновь резолюция: решить уже в 1932 г. вопрос «поднятия урожая путем внедрения новых морозоустойчивых и засухоустойчивых форм растений, выработки методик определения морозоустойчивости, осеверения земледелия, увеличения посевных площадей... Выведение высококачественных и продуктивных форм, используя материалы растительных ресурсов»¹⁴⁵.

В связи с этим начались новые нападки на П.М. Жуковского, Г.Д. Карпеченко, Н.А. Максимова, В.Е. Писарева и других, отношение к которым стало «проявлением большевистской чуткости и бдительности»¹⁴⁶. Причем укрепление принципа единоначалия на всех уровнях должно было каким-то образом сочетаться с укреплением «авангардной роли парторганизации». Во время зарубежных командировок Н.И. Вавилова и Н.В. Ковалева Альбенский при поддержке председателя профбюро И.Д. Барышева инициировал процедуру отстранения последнего от должности, сообщив ложно Президиуму ВАСХНИЛ, что вопрос согласован с Октябрьским райкомом и Ленинградским обкомом. Однако в конечном счете Альбенский и на этот раз не получил поддержки в партийных органах Ленинграда. Н.И. Вавилову удалось защитить своего заместителя, главную вину которого вице-президент ВАСХНИЛ А.С. Бондаренко видел в том, что он «тесно сошелся с Вавиловым»¹⁴⁷. По мнению Вавилова, нападки на Ковалева были продолжением линии на разгон специалистов, что тогда уже партией осуждалось как «спецеество», как и нарушения принципа «единоначалия». По словам Бондаренко, «Вавилов сказал, что постановление ЦК о Нижегородском заводе написано прямо для ВИР. Ковалев больше, чем заместитель директора в ВИРе, по существу является основным руководителем Института». Судя по всему,

¹⁴⁰ ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 22. Л. 74.

¹⁴¹ ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 45. Л. 1 об.

¹⁴² ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 45. Л. 2.

¹⁴³ ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 45. Л. 2.

¹⁴⁴ ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 45. Л. 2 об.

¹⁴⁵ ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 45. Л. 9.

¹⁴⁶ ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 45. Л. 18.

¹⁴⁷ ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 48. Л. 3.

Вавилов, как и его критики, следил за партийной прессой и был в курсе текущей политики, умело используя лозунги момента. Вместе с тем Бондаренко не упустил возможности еще раз показать, «кто в доме (т. е. в Президиуме ВАСХНИЛ и ВИР) подлинный хозяин». Будучи вице-президентом ВАСХНИЛ, т. е. официально подчиненным Вавилова, еще занимавшего пост ее президента, Бондаренко, не задумываясь об элементарной административной этике, подчеркивал: «Сработаться с Вавиловым это еще не все, нам еще нужен партдиректор. Если парторганизация ВИР и РК поставят вопрос о снятии Ковалева, мы не посчитаемся с Вавиловым, если это нужно будет»¹⁴⁸.

Этот вопрос 9 апреля 1932 г. стал предметом специального заседания «треугольника» (дирекции, партбюро и профкома) в присутствии представителей Президиума ВАСХНИЛ А.С. Бондаренко и Кедера. Они предупредили Альбенского и компанию: «Нельзя на ветер бросать таких слов, как “саботируют”, “вольныт”»¹⁴⁹, а также необходимо соблюдать принцип единоначала. Вскоре Альбенский перешел во ВНИИ агролесомелиорации – вначале заведующим отделом селекции и акклиматизации древесных пород, а затем и директором, и уже, видимо, не участвовал в последующей травле Вавилова.

31 января 1932 г. состоялся доклад И.И. Презента «Письмо товарища Сталина и положение на биологическом фронте». Докладчик говорил, что несмотря на поворот многих биологов в сторону марксизма-ленинизма (Б.А. Келлер, В.П. Савич, В.Н. Сукачев, В.А. Траншель, А.А. Ухтомский), «коммунисты встречают ожесточенную борьбу со стороны тех из зубров, которые видят этот перелом и которые не могут нам его простить, они еще более ожесточаются, еще тоньше пытаются выдвигать против нас те или иные способы борьбы. Правда, не всегда бывает очень тонко, иногда они срываются и злоба просачивается наружу. Иногда они открыто начинают говорить о борьбе. Это мы имеем и на нашем биологическом фронте»¹⁵⁰. Но фамилию Вавилова Презент не назвал среди зубров, насмехавшихся над его докладами, называвших их словоблудием и уверявших, что

структура их мозгов «не способна воспринимать диалектику». Не упоминал он Вавилова и среди тех, кого отнес к двурушникам, внешне демонстрировавшим свое согласие с диалектическим материализмом. Альбенский, выступая в прениях, поддержал Презента и резко обрушился на В.Н. Сукачева¹⁵¹. Возмущался он и тем, что уволенный из ВИР Н.С. Переверзнев направлен на работу в «Сельхозгосиздат» и не препятствует там печатанию вредных трудов «почтенного старца» из Ихтиологического института ВАСХНИЛ Л.С. Берга, автора «насквозь реакционной и идеалистической книги “Номогенез”». Альбенский жаловался также на то, что в ВИР они столкнулись с тактикой сознательного «обволакивания коммунистов со стороны беспартийных специалистов», в результате чего коммунисты Н.Г. Касаткин, А.И. Лусс и тот же Н.С. Переверзнев в конечном счете «принимают взгляды таких людей, как Вавилов»¹⁵².

Ни слова не сказал Презент о Вавиллове в одном из своих самых погромных выступлений против российских биологов на конференции «Классовая борьба на естественно-научном фронте», где всячески поносил В.И. Вернадского, В.Н. Любименко, А.П. Пинкевича, Б.Е. Райкова, В.В. Савича, Ю.А. Филипченко и других (Презент, 1932а). Имя Вавилова не упоминалось им и в заключительных мероприятиях ОБМ в Ленинграде, на диспуте «Кризис современной систематики» (5 апреля 1932 г.) и дискуссии по докладу М.М. Ильина «Управление формообразованием животных в условиях повышения хозяйственной продуктивности», также проходивших под председательством Презента. Видимо, Презент понимал, что время «бить Вавилова еще не пришло», да и сам Н.И. Вавилов активно участвовал в подготовке Всесоюзной конференции по планированию генетических исследований, где в качестве секретаря Оргкомитета с душой трудилась Поташникова.

«Горе побежденным!»

К началу 1932 г. стало ясно, что главная цель «культурной революции» в биологии – привлечь большое число ученых в марксистские организации и создать пролетарскую науку – не

¹⁴⁸ ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 48. Л. 3 об.

¹⁴⁹ ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 48. Л. 3 об.

¹⁵⁰ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 106.

¹⁵¹ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 37. Л. 21.

¹⁵² СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 37. Л. 22 об.

достигнута. Часть биологов, внешне усвоив новую терминологию, продолжала работать по-прежнему. Никто ни в ВАСХНИЛ, ни в АН СССР не воспринимал всерьез призывы начать «проработку» академиков-биологов. Даже члены ОБМ пытались парировать беспричинные нападки на крупных ученых. Коммунист С. В. Солдатенков, которому поручили раскритиковать сотрудников ВАСХНИЛ Н. А. Максимова и С. П. Костычева, выступил в их защиту. Оправдывал он и тех, кто не желал при приеме аспирантов учитывать партийность поступавших. Самые крупные научные сообщества, созданные для диалектизации биологии, насчитывали не более 200 человек, часть из которых механически заполняли карточки на вступление в общества, не стремясь, по признанию самого Презента, «даже узнать их название»¹⁵³, а большинство, судя по анкетам, вообще не знало о своей причастности к ним. Апрель 1932 г., когда были проведены грандиозные мероприятия по случаю 50-летия со дня смерти Ч. Дарвина, практически, стал последним месяцем активной деятельности ленинградских биологов на ниве «культурной революции».

Осознание И. И. Презентом своей неудачи побудило его искать покровителя, популярного среди партийного руководства, от имени которого можно было бы создать некую теоретическую базу для новых усилий по созданию «пролетарской» биологии. Презент уже понял, что на «сотрудничество» с Вавиловым и Максимовым рассчитывать не приходится, и он внимательно следил за «успехами» Т. Д. Лысенко, все чаще цитируя его труды, а также методы селекционера И. В. Мичурина. Как удалось установить, именно 11 февраля 1932 г. он договорился о сотрудничестве с Лысенко¹⁵⁴. Окончательный переход Презента от позиции генетиков, поддерживавших Деборина, к идеям «творческого дарвинизма» зафиксирован в его брошюре, изданной Институтом естествознания Комкадемии в апреле 1932 г. к дарвиновскому юбилею. В ней он приписал Мичурину и Лысенко роль «борцов-передовиков по осуществлению соцплана по отношению к жизни животных и растений» (Презент, 1932б. С. 18).

Культурная революция сказалась на языке и стиле выступлений Н. И. Вавилова. 19 апреля

1932 г. в Москве в Колонном зале Дома союзов было проведено совместное заседание АН СССР, Комкадемии и ВАСХНИЛ, на котором среди главных докладчиков был Н. И. Вавилов. В некоторых местах опубликованного доклада Н. И. Вавилов (1932 г.) стремился приблизиться к языку и стилю активистов «культурной революции». В нем есть «загнивающий капитализм, ведущий бешеную борьбу против научной биологии», «разбитые оковы метафизики», «скептический генетик, бессильный что-либо противопоставить дарвинизму», «смертельный удар витализму», «биологические фронты» и другие клише времени. В то же время под «новоязом» просматривается оригинальная концепция о четырех главных этапах развития эволюционной теории: до Дарвина (XVIII век–1859 г.); утверждение дарвиновской теории (1859–1882 гг.); «развитие эволюционного учения на растительных и животных объектах» (вторая половина XIX–часть XX вв.); «экспериментальное исследование эволюционного процесса и овладение формообразованием у растений и животных» (современный период) (Там же. С. 62). Вавилов дал краткую и исчерпывающую характеристику каждого из выделенных им этапов и взвешенную оценку роли каждой отрасли эволюционной биологии в подготовке современного синтеза. При этом Н. И. Вавилов вновь подчеркнул заслуги многих недарвиновских концепций эволюции (например, Л. С. Берга и У. Бэтсона) в познании механизмов и закономерностей эволюции.

Определяя современный этап развития эволюционной теории, Н. И. Вавилов заметил, что «XX веку, по-видимому, суждено быть преимущественно веком развития генетики, но не генетики узкой, оторванной от эволюционизма, а генетики как экспериментального изучения проблем происхождения, эволюции, овладения формообразовательным процессом... В растительной физиологии последнего времени обнаружены факты первостепенного значения, определяющие возможность коренного изменения в смысле сдвижения фаз развития. Исследователь уже научился превращать поздние растения в ранние, заставляя тропические растения цвести и плодоносить на севере». В этих словах Вавилов явно опережал реальность, выдавая мечты за свершившееся.

¹⁵³ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 11 6 об.

¹⁵⁴ СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–5; Д. 22. Л. 12.

О попытке Н.И. Вавилова как-то вписаться в диалектизацию биологии свидетельствует его доклад «Изменчивость и наследственность количественных признаков» на февральской сессии АН СССР в 1932 г. (Савина, 1995. С. 18–19). Вавилов никогда не публиковал этот доклад, но в письме к Н.В. Ковалеву от 10 марта 1932 г. уверял: «Народ принял этот доклад хорошо» (Николай Иванович Вавилов ..., 1987. С. 158). Однако были и другие мнения. Например, В.И. Вернадский 19 февраля 1932 г. записал: «Академическое заседание. Доклад Вавилова интересный; режет ухо его подлаживание под материалистическую диалектику – количество переходит в качество и тому подобное. Это ясно не связано со всей работой. Производит трагикомическое впечатление: человек достиг результатов и затем их искажает, приравнивая к моде. Новые вполне достижения Филиппченко. Вавилов их ввел так, что неясно, где его, и где Сталина» (Вернадский, 2001. С. 259). Правда, видимо, и В.И. Вернадский вскоре понял, что не мода, а суровая необходимость найти компромисс со своими гонителями заставляет Вавилова диалектизировать свои результаты, не делая различий между Сталиным и Филиппченко. В дневниках Вернадского содержится запись: «Сейчас идет Генетическая всесоюзная конференция – как все – вся в скандалах. *Vae victis*¹⁵⁵: рознь молодых и старых. Из Москвы – все коммунисты – из них серьезный генетик только А.С. Серебровский. Борьба против Вавилова... Люди и измучились, и отчаялись» (Вернадский, 2001. С. 288). Скорее всего, речь идет о проходившем 23–25 марта 1932 г. в ЛАГ Совещании по происхождению домашних животных, где Н.И. Вавилов выступал с докладом «Роль советской науки в изучении проблемы происхождения домашних животных» (Вавилов, 1933а). Однако в опубликованных материалах этого совещания нет никаких следов проходившей полемики, а среди московских докладчиков были такие значимые фигуры, как В.В. Алпатов, С.Н. Боголюбовский и др.

Великий провидец будущего В.И. Вернадский явно ошибался. Н.И. Вавилов еще не был побежденным и по-прежнему оставался

лидером отечественных генетиков и селекционеров. Это показала проведенная в Ленинграде 25–29 июня 1932 г. Всесоюзная конференция по планированию генетико-селекционных мероприятий. Она, конечно, отличалась от грандиозного научно-политического шоу в январе 1929 г., но также пользовалась поддержкой и вниманием местных властей и прессы. В ее подготовке участвовали АН СССР, ВАСХНИЛ и ЛОКА, а в состав Оргкомитета входило немало представителей ЛОКА (А.В. Альбенский, И.А. Вайсберг, А.И. Лусс, Б.Г. Поташникова, И.И. Презент, М.Л. Хлоп, Г.Н. Шлыков), но из них только А.И. Лусс, который к тому времени явно покинул ряды критиков Вавилова, и Б.Г. Поташникова активно участвовали в работе конференции. С основными докладами выступали Н.И. Вавилов, А.С. Серебровский, П.Ф. Рокицкий, Е.Ф. Лискун, по кадрам докладывали М.М. Камшилов и А.И. Лусс, по типовому оборудованию – Н.В. Ковалев и Б.Н. Васин, по печати – С.М. Гершензон. Все (примерно 400) участники съезда из 35 учреждений ВАСХНИЛ, Комакадемии, АН СССР, Наркомснаба, Наркомата легкой промышленности, Наркомата леса и вузов были согласны с Н.И. Вавиловым в определении главной цели конференции: «сделать работу селекционеров генетически более осмысленной, а работу генетиков решительным образом связать с селекцией» (Труды ..., 1933. С. 22). Это должны были обеспечить детальные планы генетических исследований, призванные связать все работы в единую программу. Вся работа съезда шла под руководством Н.И. Вавилова. В его докладе «Генетика на службе социалистического земледелия (введение к плану генетических исследований в области растениеводства на 1933–1937 гг.)» особое внимание было уделено проблемам частной генетики, связанной с изучением иммунитета растений, засухоустойчивости, зимостойкости, холодоустойчивости, вегетационного периода и т. д. В связи с этим он назвал работу Т.Д. Лысенко о критических периодах в вегетации растений выдающейся, а пропагандируемую им яровизацию «крупнейшим достижением селекции» (Вавилов, 1933б. С. 29). Насколько волен был Вавилов в подобной оценке, судить трудно. Наиболее верную оценку событий, на наш взгляд, дала

¹⁵⁵ Горе побежденным (лат.).

Е.С. Левина (1995. С. 50–52), которая отметила, что в часто цитируемом письме Н.И. Вавилова к Т. Д. Лысенко от 29 марта 1932 г. прямо сказано, что «оказать всяческое содействие работам Лысенко» и «взять на себя заботу» было не инициативой Вавилова, а исполнением им личного поручения наркома земледелия Я.А. Яковлева (Николай Иванович Вавилов ..., 1987. С. 165). Поддерживая метод яровизации, Вавилов опирался также на мнение Научного совета ВИР, на котором Лысенко в его отсутствие сделал доклад «Вопрос об озимости», с восторгом, по словам Левиной, принятый Н.А. Максимовым, В.Е. Писаревым и В.В. Талановым (Левина, 1995. С. 57)¹⁵⁶.

Самого Т.Д. Лысенко на съезде не было, как и И.И. Презента, который с группой своих сотрудников уехал в Одессу¹⁵⁷. Взаимная готовность к сотрудничеству быстро дала плоды. Из переписки Лысенко с Презентом видно, что уже осенью они приступили к написанию совместных работ¹⁵⁸. Тогда же было решено формирующуюся концепцию назвать «мичуринской биологией», так как еще в начале 1920-х гг. селекционер Иван Владимирович Мичурин был провозглашен «великим преобразователем природы». Вернувшись в Ленинград, Презент узнал, что «культурная революция» в биологии закончилась и на смену «великому перелому» наступил «великий откат», связанный с ликвидацией ее учреждений и журналов. Из учреждений ЛОКА ликвидировали, прежде всего, Институт естествознания, ОБМ и ОБВМ, наиболее активно проявившие себя в годы «культурной революции» в биологии. Многие из ее активных участников погибли в последующих репрессиях, способствуя тем самым «кадровому обновлению» в сельскохозяйственных науках и биологии. Часть из них уцелела – преимущественно те, кто вовремя или отошел от дискуссий, или принял созданную Лысенко и Презентом дисциплину, названную первоначально агробиологией и представленную властям как подлинно пролетарская наука, основанная на принципах диалектического материализма и призванная радикально модернизировать

сельское хозяйство. Хотя и это далеко не всем пошло на пользу.

Не мог чувствовать себя победителем и Н.И. Вавилов. Ему удалось на время отбить яростные атаки своих противников, но его позиции как президента ВАСХНИЛ и директора были поколеблены, так как выяснилась его полная зависимость от партийных органов. На руководящие должности в ВИР Вавилову пришлось назначить малоподготовленные кадры; многие из назначенных так и не приобрели навыки серьезной научной работы. Следует только удивляться, как в условиях травли, бесконечных реорганизаций, сокращения финансовых, материальных и издательских возможностей Вавилов сохранил единство и комплексность ВИР (Николай Иванович Вавилов ..., 1987. С. 155, 158) и обеспечил мировой уровень проводимых в его институтах растениеводческих исследований. В то же время в глазах вышестоящих партийных и государственных органов постепенно складывался образ ученого немного не от мира сего, неспособного навести порядок в собственном доме. Из образцового советского ученого он превратился в участника бесконечных разбирательств. Сотрудничество с властями сказывалось на языке и стиле его выступлений, что вряд ли улучшало имидж Н.И. Вавилова в их глазах, стирая различия между ним и его критиками. Последние, потерпев неудачу на «биологическом фронте культурной революции» и в ленинградских партийных органах, сосредоточились на атаках с помощью ЦКК – НК РКИ и ОГПУ. Уже в сентябре 1932 г., во время очередной командировки Н.И. Вавилова была создана очередная бригада НК РКИ для проверки всей научно-исследовательской деятельности ВИР (Есаков, 2008. С. 173–186). Были арестованы и высланы более 20 ведущих научных сотрудников ВИР, поддерживавших Н.И. Вавилова (Н.П. Авдулов, Н.П. Голубев, П.П. Зворыкин, Н.Д. Костецкий, Н.Н. Кулешов, Г.А. Левитский, А.Д. Лебедев, Н.А. Максимов, В.В. Маркович, В.Е. Писарев, М.Г. Попов, Я.И. Проханов, В.В. Таланов, С.Ю. Шиманович, Н.В. Чайковский, К.М. Чинго-Чингас и др.) (Соратники..., 1994; Гончаров, 2007. С. 503–505; Биология..., 2012). Научные дискуссии завершились, начались репрессии; вскоре от ссылок перешли к расстрелам. В конце 1930-х–начале 1940-х гг.

¹⁵⁶ В это же время Вавилов писал о том, что в сочинениях И.В. Мичурина «есть много элементов ненаучности» (Николай Иванович Вавилов ..., 1987. С. 159).

¹⁵⁷ СПФ АРАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 24. Л. 11–20.

¹⁵⁸ АРАН. Ф. 1593. Д. 128. Л. 1.

были расстреляны или погибли в лагерях и тюрьмах уже не только сторонники (А.И. Аболин, Л.И. Говоров, Г.Д. Карпеченко, Н.Н. Кулешов, Г.А. Левитский, В.И. Мацкевич, К.А. Фляксбергер, К.М. Чинго-Чингаз), но и некоторые оппоненты Н.И. Вавилова тех лет (П.К. Артёмов, Д.Д. Арцыбашев, А.С. Бондаренко, Н.С. Перверзнев и др.). В 1930–1932 гг. Н.И. Вавилову лишь на время удалось отложить разгром своей школы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Публикации последних лет, содержащие нападки на Н.И. Вавилова и оправдания его гонителей, как правило, вызывают чувство недоумения. Видимо, И.А. Захаров-Гезехус (2009, 2011) был едва ли не единственным из генетиков и историков биологии, кто публично отреагировал на попытки «экзгумации лысенковщины». Попытки оценить научное содержание трудов И.В. Мичурина с позиций сегодняшнего дня предприняла Т.И. Соколова (2010). Действительно, в рамках современных биологических и исторических знаний вряд ли кто-то всерьез отнесется к заявлению, что Т.Д. Лысенко спас страну от голода, предвидел возможность негенетического (эпигенетического) наследования. Всем понятно, что тогда с полным правом и Ивана Грозного, «видящего насквозь своих бояр», можно признать изобретателем рентгеновского аппарата. Но туда, где молчат историки науки, приходят циничные политики и дельцы, которые препарируют прошлое под собственные цели и интересы, создавая новые псевдонаучные проекты и выбивая миллиардные субсидии на них. История науки никогда не выносит окончательного приговора и обречена постоянно «ворошить прошлое», чтобы понять его и, может быть, хоть кого-то предупредить о возможности повторения. Поэтому ведутся поиск и ввод в оборот новых материалов, как и новых интерпретаций уже известных событий. Новые документы из партийных фондов Ленинграда и фондов Комкадемии свидетельствуют против культивируемого в настоящее время мифа о том, что конфликт Н.И. Вавилова и Т.Д. Лысенко – это конкуренция двух научных школ, лидеры которых добивались от властей финансовых, материальных и людских

ресурсов. Из этих материалов видно, что уже в первых атаках на Вавилова в годы «культурной революции» научная составляющая дискуссий была очень незначительна и никогда не могла бы в нормальных условиях иметь столь трагические последствия для их участников. С самого начала критика Н.И. Вавилова инспирировалась и контролировалась частью властных структур, а его противники в основном руководствовались политико-идеологическими и карьеристскими соображениями.

Говоря юридическим языком, вновь открытые обстоятельства не содержат оснований для пересмотра «дела Вавилова». Но требуется уточнение. Со многими элементами того, что сейчас принято называть «лысенковщиной», «лысенкоизмом» или «облысением российской биологии», Н.И. Вавилов столкнулся еще до появления на сцене самого Лысенко в качестве хоть сколь-нибудь значимой фигуры в научном сообществе и был уже приучен идти на компромисс ради спасения своего детища – ВИР. И вряд ли стоит Лысенко считать неким «злым гением», погубившим Вавилова. Он лишь сыграл свою позорную роль в сценарии, написанном не им. Ближе к истине был Ю.И. Полянский, заявивший на первом свободном обсуждении истории советской генетики в апреле 1987 г.: «Никогда история не простит Сталину убийство Вавилова». Лысенко был предназначен для «убийства Вавилова» созданной еще в конце 1920-х годов системой уничтожения всех проявляющих чувство собственного достоинства и самостоятельности. Противостояние Вавилова и Лысенко предопределено логикой развития советской биологии: ее «пролетаризацией», «советизацией», «диалектизацией», «сталинизацией» и т. д. Термины могут быть разными, но суть одна. Там, где власть решает, какие теории правильные, а какие нет, и, соответственно, что следует поддерживать, а что нет или, как говорил Президент, «кого, когда и в какой последовательности бить», победу всегда одерживает псевдонаука. Вот с этим Николай Иванович Вавилов при всей своей склонности к компромиссам смириться никогда не смог. Об этом, по моему мнению, однозначно свидетельствуют документы, вводимые в научный оборот в данной статье.

В заключение я хотел бы выразить благодарность Н.П. Гончарову, В.Д. Есакову, С.И. Зенкевич, Е.С. Левиной, М.В. Лоскутовой, С.В. Шалимову, внимательно прочитавшим текст моей рукописи и сделавшим важные замечания и уточнения, а также С.В. Ретунской за помощь в проверке газетных материалов.

ЛИТЕРАТУРА

- Беликов П.С. Критические замечания Н.А. Максимова // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 3/4. С. 122–130.
- Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2011. Энциклопедический словарь / Сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. СПб.: Нестор-история, 2011. 568 с.
- Бондаренко П.П. Работа Ассоциации институтов естествознания в связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 15 марта о работе Комакадемии // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 2. С. 102–115.
- Бондаренко П.П., Яксон Р.Э. Работа Секции естествознания Комакадемии в свете дискуссий о положении на фронте естествознания // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 1. С. 16–26.
- Вавилов Н.И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости: Доклад на III Всероссийском селекционном съезде в г. Саратове 4 июня 1920 г. Саратов: Губполиграфотдел, 1920. 16 с.
- Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений // Тр. по прикл. ботан. и селекции. 1926. Т. 16. № 2. 248 с.
- Вавилов Н.И. Проблема происхождения культурных растений в современном понимании // Тр. Всесоюз. съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, в Ленинграде 10–16 января 1929 г. Т. II. Генетика. Л., 1929. С. 5–18.
- Вавилов Н.И. Агрономическая наука в условиях социалистического хозяйства // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1931. № 5/6. С. 128–138.
- Вавилов Ю.Н. Роль Дарвина в развитии биологических наук // Учение Дарвина и марксизм-ленинизм (К 50-летию со дня смерти Дарвина) / Под ред. П.И. Валескалн, Б.П. Токин. М.: Партиздат, 1932. С. 62–72.
- Вавилов Н.И. Роль советской науки в изучении происхождения домашних животных // Проблема происхождения домашних животных. Вып. 1. Труды совещания по происхождению домашних животных, состоявшегося при Лаборатории генетики Академии наук СССР 23–25 марта 1932 г. Л.: Тип. АН СССР, 1933а. С. 5–9.
- Вавилов Н.И. Генетика на службе социалистического земледелия (введение к плану генетических исследований в области растениеводства на 1933–1937 гг. // Тр. Всесоюзной конф. по планированию генетико-селекционных исследований. Ленинград, 25–29 июня 1932 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1933б. С. 17–46.
- Вернадский В.И. Дневники. 1926–1934. М.: Наука, 2001. 456 с.
- Гончаров Н.П. К 120-летию со дня рождения Н.И. Вавилова // Информ. вестник ВОГиС. 2007. Т. 11. С. 479–525.
- Долгушин Д.А., Лысенко Т.Д. К вопросу о сущности озими // Тр. Всесоюз. съезда по генет., селекц., семеновод. и плем. животноводству. Ленинград, 10–16 января 1929 г. Т. III. Изучение культурных растений. Л., 1929. С. 189–199.
- Есаков В.Д. Николай Иванович Вавилов: страницы биографии. М.: Наука, 2008. 207 с.
- Задачи марксистов в области естествознания. Доклад О.Ю. Шмидта. Прения по докладу и заключительное слово. М.: Комакадемия, 1930. 130 с.
- Захаров-Гезехус И.А. Эксгумация лысенковщины. Препринт. 2009. 12 с.
- Захаров-Гезехус И.А. Попытки реабилитации лысенковщины // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 2. С. 124–129.
- К созыву Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований // Тр. Всесоюз. конф. по планированию генет.-селекц. исследований. Ленинград, 25–29 июня 1932 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 5–7.
- Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х–начале 30-х гг.). СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. 274 с.
- Колчинский Э.И. Биология в Германии и России-СССР. СПб.: Нестор-История, 2007. 637 с.
- Кольман Э. Вредительство в науке // Большевик. 1931. № 2. С. 73–81.
- Конашев М.Б. Зарубежные генетики и Всесоюзный съезд по генетике 1929 г. // Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная конференция, 1998 / Под ред. В.М. Орла. М.: ИИЕТ РАН, 1999. С. 482–485.
- Левина Е.С. Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... Биология в СССР: история и историография. М.: Агро-XX, 1995. 159 с.
- Максимов Н.А. Физиологические способы регулирования длины вегетационного периода // Тр. Всесоюз. съезда по генет., селекц., семеновод. и племенному животноводству. Ленинград, 10–16 января 1929 г. Т. III. Изучение культурных растений. Л., 1929. С. 3–20.
- Максимов Н.А. Методология физиологии растений: В порядке рассуждения // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 3/4. С. 105–121.
- Мицкевич М., Токин Б. Эволюционную науку на службу соцстроительства // Учение Дарвина и марксизм-ленинизм. М.: Партиздат, 1932. 135 с.
- Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1039 с.
- Николай Иванович Вавилов: Из эпистолярного наследия 1911–1928 гг. М.: Наука, 1980. 427 с. (Науч. наследство; Т. 5).
- Николай Иванович Вавилов: Из эпистолярного наследия 1929–1940 гг. М.: Наука, 1987. 494 с. (Науч. наследство; Т. 10).
- Новинский И.И. Учебно-производственный план ИКП естествознания // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 1. С. 116–125.
- О положении на фронте естествознания: Резолюция Президиума Коммунистической Академии совместно с Ассоциацией естествознания и естественным отде-

- лением ИКПФиЕ по докладу О. Шмидта и содокладу А. Максимова «О положении на фронте естествознания» // Вест. Комакадемии. 1931. № 1. С. 19–26.
- Перчёнок Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР / Отв. ред. В.А. Кусанев. М.: Наука, 1995. С. 201–235.
- План научно-исследовательской работы Института в 1932 г.: Сокращенная стенограмма заседания Президиума от 14 февраля 1932 г. // Вест. Комакадемии. 1932. № 1. С. 17–39.
- План работы Биологического института им. К.А. Тимирязева Коммунистической академии (БИКА) от 1 апреля 1931 г. // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 2. С. 126–138.
- Презент И. Классовая борьба на естественно-научном фронте: Обработанная стенограмма лекции на конференции педагогов-естественников. М.; Л.: ОГИЗ, 1932а. 72 с.
- Презент И.И. Теория Дарвина в свете диалектического материализма: Тез. к пятидесятилетию со дня смерти Ч. Дарвина. М.: Комакадемия, 1932б. 32 с.
- Письма Н.И. Вавилова Н.П. Горбунову // Бахтеев Ф.Х. Николай Иванович Вавилов. Новосибирск: Наука, 1987. С. 246–263.
- Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии / Под ред. П.П. Бондаренко и др. М.; Л.: Гос. мед. изд-во, 1931. 104 с.
- Рядом с Н.И. Вавиловым. М.: Сов. Россия, 1973. 250 с.
- Савина Г.А. Чистые линии (В.И. Вернадский о Н.И. Вавиле) // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР / Отв. ред. В.А. Кусанев. М.: Наука, 1995. С. 7–45.
- Синская Е.Н. Воспоминания о Н.И. Вавиле. Киев: Наук. думка, 1991. 205 с.
- Современные проблемы философии марксизма. Доклад А.М. Деборина, прения по докладу и заключительное слово. М.: Комакадемия, 1930. 199 с.
- Соколова Т.И. Наследие И.В. Мичурина. Мифы и реальности. Луганск: ПЦ «Максим», 2010. 432 с.
- Соратники Николая Ивановича Вавилова / Отв. ред. В.А. Драгавцев. СПб.: ВИР, 1994. 615 с.
- Сталин И.В. К вопросам аграрной политики. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // И.В. Сталин Соч. Т. 12. 1955а. С. 141–172.
- Сталин И.В. Новая обстановка — новые задачи. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // И.В. Сталин. Соч. Т. 13. 1955б. С. 51–80.
- Торбек К. Деятельность Коммунистической Академии // Вест. Комакадемии. 1929. № 33. С. 270.
- Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде 10–16 января 1929 г. Т. III. Изучение культурных растений. Л., 1929. 626 с.
- Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде 10–16 января 1929 г. Т. I. Состав, работа и постановления Съезда. Л.: Издание редакционной коллегии съезда, 1930. 177 с.
- Труды Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований. Ленинград, 25–29 июня 1932 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 245 с.
- Фудзиока Цуёши. Зачем лысенковщина появилась? Плод и срыв диалектизации биологии. Токио, 2010. 282 с. (на япон. яз.).
- Argueta A., Noguera R., Riuz R. La recepción del lisenkismo en México // Asslepio. 2003. V. 55. Fasc. 1. P. 235–362.
- Behrendt L.-D. Die Institute der Roten Professur: Kaderschmieden der sowjetischen Parteiintelligenz (1921–1938) // Jb. für Geschichte Osteuropas, 1997. Bd. 45. Hf. 4. S. 597–621.
- Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / Ed. Sh. Fitzpatrick. Bloomington, Indiana Univ. Press, 1984. 309 p.
- David-Fox M. Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 1997. 302 p.
- Gordin M., Grunden W., Walker M., Zuoyue Wang. «Ideologically correct» science // Science and Ideology. A Comparative History / Ed. M. Walker. London; N.Y.: Routledge, 2003. P. 35–65.
- Kouprianov A.V. The «Soviet creative darwinism» (1930–1950): From selective reading of Darwins work to the transmutation of species // Историко-биологические исследования / Studies in the History of Biology. 2011. V. 3. No. 2. P. 8–31.
- Kröner H.-P., Toellner R., Weisemann K. (Hrsg.) Erwin Baur: Naturwissenschaft und Politik. München: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 1994. IV. 162 s.
- Mosterin J. Social factors in the development of genetics and the Lysenko affair // Poznan Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities. 2008. V. 96. No. 1. P. 143–155.
- Pringle P. The Murder of Nikolai Vavilov. The Story of Stalin's Persecution of One of Great Scientists of the Twentieth Century. N.Y.: Simon and Schuster, 2008. 370 p.
- Teich M. Haldane and Lysenko Revisited // J. Histor. Biol. 2007. V. 40. No. 3. P. 557–563.
- Wolfe A. What does it mean to go public? The American response to lisenkoism // Histor. Stud. Nat. Sci. 2010. V. 40. No. 1. P. 48–78.

**«CULTURAL REVOLUTION» IN THE USSR IN 1929–1932
AND THE EARLY ATTACKS AGAINST N.I. VAVILOV'S SCHOOL.
A STUDY BASED ON DOCUMENTS FROM ST. PETERSBURG ARCHIVES**

E.I. Kolchinsky

St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, RAS,
St. Petersburg, Russia, e-mail: ekolchinsky@yandex.ru

Summary

The article for the first time presents documents from several archival CPSU collections kept in St. Petersburg and from the collections of the Communist Academy held at the Archive of the Russian Academy of Sciences. These documents testify against the image, wide-spread in current literature, that the conflict between N.I. Vavilov and the supporters of T.D. Lysenko was a competition between two rival academic schools for financial, material, and human resources. Already in the early attacks against Vavilov, which began in the years of the «cultural revolution», before T.D. Lysenko would emerge as a person of some importance among agronomists and plant breeders, the scientific content of the debates was rather negligible. In an ordinary situation, the debates would have never had the same tragic consequences as they had for many of their participants. From the very beginning, the criticism against Vavilov was initiated and controlled by Party bodies, and his opponents were mainly inspired by political, ideological considerations and the wish to advance their own careers. In 1932, N.I. Vavilov lost his former independence in personnel management and the control over institutions that he administered. The principal characteristics of «Lysenkoism» as a social-political practice in Soviet science formed before the struggle between geneticists and Lysenkoists. It was in the same years that the main accusations against N.I. Vavilov were first articulated: wrong research strategy, the lack of links with agricultural practice, the promotion of theories hostile to Marxism, and sympathies to bourgeois science.

Key words: «cultural revolution», N.I. Vavilov, A.V. Al'bensky, G.I. Bykov, I.I. Prezent, All-Russian Research Institute of Plant-Industry (VIR), All-Union Academy of Agricultural Sciences, Central Control Commission of the Workers and Peasants Inspectorate, Leningrad Division of the Communist Academy, Society of Marxist Biologists, party organizations.